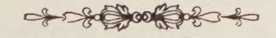
СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIV, № 6.

СКАЗАНІЯ О ВАВИЛОНѢ, СКИНІИ И СВ. ГРАЛѢ.

НѢСКОЛЬКО МАТЕРІАЛОВЪ И ОБОБЩЕНІЙ.

СООБЩЕНІЕ

академика **А. Н. Веселовскаго.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи наукъ.
Декабрь 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Сказанія о Вавилонѣ, скиніи и св. Гралѣ.

Нѣсколько матеріаловъ и обобщеній.

(Посвящается проф. И. Н. Жданову и Р. Гейнцелю).

Русская былина поетъ объ Иванѣ Грозномъ, что «повынесъ онъ царенье изъ Царяграда,

А царя-то Перфила онъ подъ мечъ склонилъ,
. . . .
Царскую перфилу на себя одѣлъ,
Царскій костыль да себѣ въ руки взялъ».

(Гильф. 104).

Казань замѣнена здѣсь Царьградомъ, Иванъ Грозный сталъ на мѣсто Владимира, порфира обратилась въ царя Перфила, какъ и русская сказка олицетворила скипетръ въ царевнѣ Скипетрѣ. Въ основѣ пѣсеннаго смѣшенія лежитъ древняя контаминація извѣстнаго на Руси сказанія о перенесеніи къ намъ греческихъ царскихъ утварей—съ переводной повѣстью о томъ, какъ царь Левъ добылъ изъ Вавилона такія же драгоцѣнности, т. е. съ повѣстью о Вавилонскомъ царствѣ. Этой повѣсти, въ связи съ сказаніемъ о князяхъ владимирскихъ, посвящена обширная часть въ трудѣ проф. Жданова (Русскій былевой эпосъ, СПБ. 1895), что и дало мнѣ поводъ еще разъ вернуться къ моимъ прежнимъ работамъ по этому вопросу и предложить нѣсколько но-

выхъ точекъ зрѣнія [1]). Дѣло идетъ о соотвѣтствующемъ нашей повѣсти эпизодѣ сѣверной саги о Конрадѣ [2]), составленной въ Норвегіи или Исландіи до XIV-го вѣка по захожимъ источникамъ, во всякомъ случаѣ не переведенной съ готоваго западнаго оригинала.

I.

Содержаніе саги слѣдующее: Конрадъ, сынъ саксонскаго императора Ричарда (Rikarðr), является въ Царьградъ (Miklagarðr) съ своимъ другомъ Робертомъ, который вскорѣ оказывается предателемъ: пользуясь своимъ знаніемъ греческаго языка, котораго Конрадъ не понималъ, онъ выдаетъ самого себя за царевича, друга — за себя, присватывается къ дочери константинопольскаго конунга, Матильдѣ, отъ которой желалъ бы устранить Конрада, но та полюбила юношу и объясняетъ ему, какіе ковы строитъ ему его пріятель. Между тѣмъ Робертъ застращалъ и конунга силой и храбростью Конрада, которую онъ проявляетъ на турнирахъ и въ другихъ подвигахъ; между прочимъ, на полянахъ пейсиновъ (Peisinavellir) онъ убилъ дракона, схватившаго льва, который и становится впослѣдствіи «помощнымъ» герою животнымъ. Наконецъ Матильда убѣдила царевича объявить всенародно, кто онъ; коли конунгъ тому не повѣритъ, — пусть Конрадъ попроситъ отца возложить на него какую угодно задачу, а за исполненіе вознаградитъ тѣмъ, что Конраду всего дороже. Онъ поступаетъ согласно съ наставленіемъ дѣвушки, а конунгъ велитъ ему достать такой же зеленый камень, какой

1) Мои прежнія работы перечислены у проф. Жданова l. с. стр. 22 и примѣч. 3 и 4. См. еще: Потанинъ, Богдо-Гэсэръ и славянская повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ, Этногр. Обозр., XI, стр. 106 слѣд.; его же: Дочь моря въ степномъ эпосѣ, ibid. XII, 38 слѣд., и XXIV, стр. 127 слѣд. (Этимологіи въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ).

2) Fornsögur Suðrlanda, utg. af G. Cederschiöld (1884). Сл. Inledning, стр. CXXXVIII слѣд., текстъ стр. 42 слѣд.; гл. IX—X, предлагаемыя далѣе въ переводѣ, на стр. 68—77.

у него въ перстнѣ. Гдѣ же мнѣ искать его? спрашиваетъ Конрадъ. Подумай о томъ самъ, отвѣчаетъ конунгъ, но выражаетъ свое согласіе, когда тотъ проситъ у него въ награду руку дочери.

Отправившись къ царевнѣ, Конрадъ сообщаетъ ей о порученіи отца. Неладное это дѣло, говоритъ она: изъ тѣхъ, кого посылали за камнемъ, никто не вернулся. Откуда же долженъ ты достать его? Этого Конрадъ не знаетъ, но признаéтъ, что зеленый камень, который показываетъ ему Матильда, совершенно тождественъ съ тѣмъ, какой онъ видѣлъ у конунга. Тогда она даетъ ему свой собственный (кто его носитъ, того не укуситъ змѣя) и наставляетъ витязя, какого пути ему держаться и какъ быть.

Гл. IX... «Съ тобой должна быть вся твоя дружина, и ты правь свои пять кораблей на Эѳіопскіе острова (Blálands eya). Звѣрь (= левъ) пусть пойдетъ съ тобою. Оттуда нельзя далѣе итти на судахъ, они довезутъ тебя и твой скарбъ до матерой земли. Далѣе ты отправишься, пока не придешь въ страну, не обитаемую людьми; въ той странѣ ничего нѣтъ, кромѣ дикихъ звѣрей; они не ходятъ вмѣстѣ въ большомъ числѣ, много вдвоемъ, и то рѣдко; ничего не боятся, развѣ крика бѣлаго пѣтуха. Съ тобой должны быть двѣ свиньи, ибо тамъ, гдѣ кончится страна, въ которой водятся дикія звѣри, начинается область, никѣмъ не обитаемая, кромѣ тѣхъ животныхъ, что зовутъ слонами. Это большой звѣрь, опасный для человѣка, и такъ силенъ, что никогда не ходитъ въ большомъ числѣ, а лишь въ одиночку. Онъ великъ, на высокихъ ногахъ; на ногѣ одинъ суставъ, доходящій до пучка волосъ на копытѣ; другой суставъ вверху подъ срединой рта, очень тугой. Звѣрь тотъ ничего не боится кромѣ свиного хрюканья. А на концѣ той земли каменный мостъ лежитъ черезъ рѣку, ограничивающую ту страну. По сю сторону каменнаго моста оставь своего льва и пѣтуха и свиней, ступай прямо черезъ мостъ, и пусть съ тобой ничего не будетъ, кромѣ твоего платья и оружія. Ты увидишь городъ, какъ бу-

дешь на каменномъ мосту, ибо онъ высоко поднятъ. Устрой такъ, чтобы тебѣ пройти по мосту въ городъ въ день Пятидесятницы [1]). Городъ лежитъ недалеко отъ каменнаго моста и представится тебѣ сіяющимъ всевозможными прекрасными цвѣтами; тамъ и городскія врата и двери въ палату. Въ той странѣ никто не живетъ, кромѣ змѣй и жабъ; въ день Пятидесятницы всѣ ядовитыя животныя въ забытьи и безсильны. Великій змѣй лежитъ у конца моста, а передъ городскими вратами ихъ два, и два же передъ дверями палаты; ворота города и двери въ палату отворены. Высмотри дорогу, что ведетъ къ палатѣ, и когда вступишь въ нее, увидишь всякаго рода звѣрей, увидишь змѣя, лежащаго внутри покоя на самомъ заднемъ мѣстѣ скамьи; его хвостъ занимаетъ одну часть палаты, другую голова; онъ будетъ въ вѣнцѣ, а на головѣ шлемъ Эги [2]). Весь покой полонъ страшныхъ змѣй, хотя ни одинъ изъ нихъ на того не похожъ. На полу покоя внизу передъ скамьей будутъ двѣ змѣи, одна зеленаго, другая бѣлаго цвѣта; между ними камень, и онѣ кидаются имъ и перебрасываютъ его тихонько своими мордами; онъ зеленаго цвѣта и очень красивъ; возьми этотъ камень и — будь таковъ! Такъ ты хорошо исполнишь свое порученіе. А ты о томъ помышляй, чтобы тебѣ никакъ не оглядываться назадъ, какіе бы страхи передъ тобой не приключались. Это путешествіе по тебѣ, если только ты не боязливъ. — На это я и попытаюсь, говоритъ онъ.

Гл. X. Послѣ того правитъ онъ путь свой ладно и скоро и держитъ его на пяти корабляхъ съ блестящей дружиной изъ Миклагарда, пока не присталъ къ Эѳіопскимъ островамъ. Тутъ онъ разстался съ своими людьми и велѣлъ доставить себя на матерую землю. Съ нимъ былъ конь и левъ, свиньи и пѣтухъ и все то, что она наказала. Поѣхалъ онъ, пока не прибылъ туда, гдѣ водились львы, и тотчасъ же сталъ искать пути, но не

1) Hvít drottins dagr = англ. Whitsunday, Dominica in Albis; вар. hvitasunnudagr.

2) Aegishjálmr — galea terrifica.

находилъ. Страна была прекраснѣйшая, съ большой травой и лѣсиста, съ плодами всякаго рода. Не видѣлъ онъ признака, чтобы въ той странѣ дикихъ звѣрей водилось болѣе, чѣмъ всякихъ другихъ. И когда онъ прибылъ къ предѣламъ той земли, остановился на ночлегъ въ нѣкоемъ мѣстѣ. Утромъ, когда онъ одѣлся, услышалъ трескъ въ лѣсу: подаются большія деревья передъ тѣмъ звѣремъ, и отъ движенія деревьевъ и колебанія листьевъ пала на землю роса, и тогда трава начала издавать настоящій ароматъ и снова зацвѣла; дивнымъ показалось это ему. Затѣмъ явился большой, страшный звѣрь, и онъ призналъ, что это левъ. Тотъ ускорилъ свой шагъ, увидѣвъ человѣка. Тогда (Конрадъ) сказалъ своему звѣрю: Ты, левъ, сильнѣйшій изъ всѣхъ звѣрей, пойди, покажи себя новому пришельцу и такъ устройся, когда запоетъ пѣтухъ, какъ тебѣ то покажется удобнѣе. Такъ левъ и сдѣлалъ; когда пришедшій звѣрь увидѣлъ льва, своего соименника, остановился и дался диву, что онъ слѣдуетъ за человѣкомъ. Въ это мгновеніе Конрадъ заставилъ пѣтуха пропѣть. Какъ услышалъ это звѣрь, весь задрожалъ и пустился въ обратный путь. А Конрадъ сѣлъ на своего коня, поскакалъ за звѣремъ, бросилъ въ него большимъ дротикомъ, и онъ проникъ сзади сквозь плечи и вышелъ изъ груди; звѣрь прошелъ недолго, прежде чѣмъ упалъ мертвымъ. А когда звѣрь Конрада услышалъ пѣніе пѣтуха, уткнулъ свою голову промежъ ногъ, а затѣмъ всталъ и встряхнулся. Конрадъ поѣхалъ туда, гдѣ лежалъ звѣрь, котораго онъ убилъ, снялъ съ него шкуру, а потомъ набросилъ на нее вереска и моха и положилъ по близости воднаго стока, что на границѣ той страны и лѣса.

Тогда онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ, пока не прибылъ въ страну слоновъ. Какъ ни прекрасна и плодоносна была та страна, по которой онъ раньше проѣзжалъ (такъ много въ ней было добра и аромата травы и другихъ плодовъ), эта была лучше. Ѣдетъ онъ, пока не увидѣлъ, что лѣсъ порѣдѣлъ, а впереди его течетъ рѣка, какъ поясняла ему королевна Матильда. Когда онъ выѣхалъ на прогалину, что была передъ нимъ, замѣтилъ, что она поросла

очень густо мхомъ. Онъ увидѣлъ тамъ дубы столь громадные, какъ пять взятыхъ вмѣстѣ; они были съ очень густой листвою, а вокругъ нихъ было большое вытоптанное пространство; они такъ далеко ширились во всѣ стороны, что ихъ листья и вѣтви лежали на землѣ, и подъ ними было столько мѣста, что самъ онъ могъ тамъ сидѣть верхомъ, при немъ его левъ и весь его скарбъ; а съ другой стороны тѣ дубы такъ покачнулись, что они едва или и вовсе не могли выпрямиться; ему представилось, что то, вѣроятно, слонъ пріобыкъ прислоняться къ нимъ, почему дубы и нагнулись, и что по той же причинѣ лежали на землѣ ихъ вѣтви и листва. И вотъ Конрадъ изготовился, затѣмъ взялъ своего коня, снялъ всю ношу съ льва и перенесъ подъ покровъ листвы, помѣстилъ тамъ и своего льва и своего коня и всю свою поклажу; взялъ свиней, крѣпко привязалъ ихъ веревкой за шею, а другой конецъ былъ у него; была у него и другая веревка отъ ногъ обѣихъ свиней; онъ помѣстилъ ихъ подъ вѣтвями въ обратномъ направленіи пути, которымъ обыкновенно проходилъ слонъ, и прикрылъ ихъ мхомъ и верескомъ. Когда онъ все устроилъ, какъ хотѣлъ, услышалъ большой трескъ, и тогда ему показалось, что по сосѣдству дрожитъ земля. Затѣмъ онъ увидѣлъ, откуда бѣжалъ звѣрь; былъ онъ не такого роста, какъ другіе, а такъ высокъ, что его голова приходилась не ниже самой верхней вѣтви тѣхъ деревьевъ, а они были весьма высоки. Его ноги были очень длинны, но не такъ толсты, какъ соотвѣтствовало бы ихъ длинѣ; морда очень длинная и наклонная, а внизу у нея клыкъ; онъ былъ твердъ, какъ рогъ, острый спереди; Конраду казалось, что имъ то онъ и истребляетъ звѣрей. Уши у него были большіе, громадная грива и широкая спина; у того звѣря, повидимому, была скорѣе опашь, чѣмъ хвостъ, и посрединѣ той опаши узелъ; думалось Конраду, что имъ онъ въ состояніи нанести увѣчье, коли захочетъ. Глаза у него были широкіе, и былъ онъ очень страшенъ; весь покрытъ шерстью, гдѣ только можно было разглядѣть, кромѣ рыла, оно казалось совсѣмъ гладкимъ; мнилось Кон-

раду, что едва ли желѣзо возметъ его въ иномъ мѣстѣ, чѣмъ здѣсь, по причинѣ густоты и твердости волоса. Копыта у него были большіе. Онъ шелъ, пока не приблизился къ деревьямъ, сталъ ходить вокругъ, прислоняясь къ каждому; тогда вѣтви стали наклоняться и трещать, и Конраду представилось, что звѣрь наклоняетъ дубы ради той ноши (плодовъ), которая на нихъ была. Когда ему показалось, что все готово, какъ онъ того желалъ, онъ крѣпко потянулъ за веревку, что была на ногахъ свиней; тогда онѣ страшно закричали и стали громко хрюкать. Въ это мгновеніе слонъ круто повернулся, выскочилъ изъ своего убѣжища, и Конрадъ увидѣлъ его искаженное выраженіе. Онъ выбѣжалъ изъ подъ покрова листвы, метнулъ копьемъ въ звѣря, и оно угодило въ рыло. Звѣрь страшно заметался и хотѣлъ уйти, сильно разсвирѣпѣвъ; выбѣжалъ и упалъ. Конрадъ сталъ тотчасъ же наносить ему удары, пока слонъ не околѣлъ; затѣмъ онъ рознялъ его, отнялъ у него клыки и всѣ драгоцѣннѣйшія его кости, положилъ его клыки у дубовъ, чтобы они сохли. — Ѣдетъ онъ теперь, пока не прибылъ къ каменному мосту. Тамъ онъ остановился на ночлегъ. То было вечеромъ передъ Пятидесятницей.

Утромъ на зарѣ онъ собрался, велѣлъ своему звѣрю, пусть стережетъ его добро до вечера, а затѣмъ пойдетъ поискать себѣ убѣжища. Левъ былъ недоволенъ, что остался, но повиновался рѣшенію. Конрадъ скоро снарядился и пошелъ, пока не достигъ каменнаго моста. Тутъ онъ усмотрѣлъ страну по ту сторону рѣки; она была ровна, такъ что нигдѣ онъ не видѣлъ ни холмовъ, ни лѣса; и все тамъ, что ему представлялось камнями, горѣло, казалось, золотомъ; всюду въ той странѣ видѣнъ былъ высокій верескъ и много овраговъ и ямъ. Увидѣлъ онъ змѣя удивительной величины, лежавшаго у конца моста; увидѣлъ городъ недалеко отъ каменнаго моста; онъ былъ великъ, его башни точно золотого цвѣта, стѣны разноцвѣтныя; въ иныхъ мѣстахъ, казалось, онъ свѣтится точно золото либо ледъ или стекло, въ иныхъ онъ былъ словно серебро или блестящая жесть;

были въ немъ цвѣта всѣхъ красивѣйшихъ камней. Его башни высоки и прекрасны; отъ каменнаго моста до города шла широкая дорога; отъ змѣиной чешуи она показалась Конраду блестящей, какъ серебро. И мнилось ему, что всѣ ямы полны змѣй и что всѣ они покоятся сномъ. Казалось, что страна эта издаетъ солнечный блескъ, точно она лежитъ на краю свѣта. Идетъ онъ къ концу каменнаго моста и скачетъ при помощи своего копьища черезъ змѣя. Прошелъ онъ, пока не прибылъ къ городскимъ вратамъ, тамъ лежали двѣ змѣи, и черезъ нихъ онъ перескочилъ такимъ же образомъ, какъ и прежде. Когда же онъ вступилъ въ городъ, тамъ было въ разныхъ мѣстахъ много прекраснаго, на что посмотрѣть. Отъ городскихъ воротъ ко дворцу лежала широкая каменная улица. Она была ровна и прекрасна, и по обѣимъ сторонамъ пути хвостъ змѣи касался (змѣинаго) хвоста, но, казалось, все было спокойно. Много было въ городѣ высокихъ башенъ, и мнилось Конраду, что и въ самыхъ высокихъ башняхъ не менѣе змѣй, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ той страны, потому что всюду онъ видѣлъ, какъ изъ башенъ сыпятся слитки золота, видѣлъ далѣе и змѣй, свѣсившихся сверху изъ оконъ. Ему представилось, что въ началѣ тамъ жили мощные люди. Пришелъ онъ къ дверямъ покоя, тамъ было все роскошно устроено: большіе мечи находились передъ покоемъ, такъ что они выступали за крышу, рукоятки древнихъ мечей были позолочены, и на все кругомъ пріятно было посмотрѣть. Двѣ змѣи лежали у дверей покоя по сторонамъ, онѣ были большія, но спокойны. Онъ вступилъ въ палату, ибо она была открыта. Какъ ни представлялось ему замѣчательнымъ все, что было внѣ ея, или въ другомъ мѣстѣ города, ему казалось, что все это одна лишь тѣнь въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ покоѣ. Весь онъ былъ внутри оштукатуренъ и выкрашенъ такъ красиво, что ничего нельзя было бы и прибавить, весь обтянутъ бархатомъ и дорогими тканями и убранъ внутри всякими драгоцѣнностями. Окна были большія, прекрасныя. Онъ пошелъ по покою: по обѣ стороны были широкія сидѣнья, и тамъ лежали змѣи такъ густо, что одна

другой касались мордами. Золото было наворошено среди нихъ; оно потекло далеко за сидѣнье и тамъ застыло. Змѣи были всякаго цвѣта: однѣ зеленыя, другія бѣлыя, третьи въ красныхъ пятнахъ, либо черныя или бурыя. Такъ онѣ лежали, и онъ не видѣлъ ни одной, которая бы двинулась на него. Среди покоя, на полу, стоялъ большой сосудъ, надъ нимъ устроенъ прекрасный пологъ, а надъ нимъ большая золотая хартія, превосходно исполненная. Передъ сосудомъ съ одной стороны трапеза [1]), очень красивая и большая, выкрашенная и отлично отдѣланная. Другая трапеза была передъ нимъ съ другой стороны, также устроенная, большая и красивая. На ней стояло очень много сосудовъ и всякаго рода кубковъ для питья. И были три драгоцѣнности, которыя, казалось ему, превышали своею художественностью всѣ остальныя, какія онъ тамъ видѣлъ: то были два рога, прекрасно сдѣланные, какъ только можно себѣ представить, всюду украшенные драгоцѣнными камнями и устроенные съ большимъ великолѣпіемъ; они были велики. Третьей драгоцѣнностью былъ кубокъ; то была прекрасная чаша. Отойдя отъ нихъ, онъ пошелъ внутрь по покою, пока не добрался до высокой скамьи, что находилась внутри покоя; она была широка и роскошно устроена. На скамьѣ лежалъ змѣй, онъ былъ такъ великъ, что его хвостъ занималъ одну сторону покоя, а голова другую. На головѣ у него былъ вѣнецъ и вмѣстѣ съ нимъ шлемъ Эги. Конраду показалось, что онъ спитъ, и былъ онъ очень страшенъ. Онъ занималъ всю ширину скамьи, и не было подъ нимъ недостатка въ золотѣ. Увидѣлъ тамъ Конрадъ небольшой столикъ и, казалось ему, онъ виситъ въ воздухѣ надъ скамьею, ибо онъ не могъ разглядѣть, что̀ его поддерживаетъ, но такъ какъ онъ былъ мужъ мудрый, то, казалось, уразумѣлъ, что въ стѣнахъ, на полу и въ потолкѣ покоя были такіе камни, что столъ могъ ими держаться и что все это могло быть устроено великимъ кузнецкимъ художествомъ. Столъ былъ весь выложенъ

1) Stóll, вар. trapizuna.

драгоцѣнными камнями и скованъ изъ чистаго золота. Передъ скамьей поперекъ покоя завѣса изъ красивѣйшей ткани; двѣ маленькихъ змѣйки были на полу покоя, одна изъ нихъ бѣлая, какъ снѣгъ, другая красная, какъ кровь. Онѣ ловятъ зеленый камень, что между ними, кидаются имъ постоянно, перебрасывая его тихонько своими мордами. Камень тотъ былъ всѣми статьями такой, какъ говорила ему королевна Матильда; и онъ понялъ, что за нимъ то онъ сюда и посланъ. Змѣи не допускали того камня до земли, а ловили его своими мордами осторожно. Не видѣлъ онъ, кромѣ этихъ, другихъ змѣй, которыхъ бы устрашился; и показалось ему, что эти змѣи поставлены здѣсь, чтобы забавлять того, что былъ на скамьѣ, и мнилось, что онъ могъ быть конунгомъ другихъ змѣй. Въ покоѣ было свѣтло и видно все, что тамъ происходило. Время было о завтракѣ (um dagmáls: 9 часовъ по полуночи), когда Конрадъ вступилъ въ покой. Онъ вынулъ мечъ и словилъ на лету камень у бѣлой змѣи, а затѣмъ спряталъ его въ поясѣ (ipus sin). Когда бѣлая змѣя не хватилась камня, сердито поглядѣла на Конрада, затѣмъ повернулась на хвостѣ, свилась и уползла въ землю. Когда она исчезла, онъ вырубилъ другой камень изъ столика и спряталъ его. Въ это мгновеніе вышла бѣлая змѣя съ бѣлымъ камнемъ во рту: онъ былъ бѣлъ, какъ змѣя; и онѣ нѣкоторое время перебрасывались камнемъ. И такъ быстро онѣ бросались, что Конрадъ никакъ не могъ словить камня; случилось однако, что онъ словилъ его, и не хватилась его игравшая змѣя. Она очень сердито поглядѣла на Конрада, свилась и уползла подъ полъ. Тогда Конрадъ выкололъ другой камень изъ столика и спряталъ. Затѣмъ явилась змѣя, у ней во рту камень красный, какъ кровь, замѣчательно красивый: онѣ снова стали играть имъ, но случилось, наконецъ, что онъ схватилъ и его. Когда онъ похитилъ эти камни, онѣ (змѣи) посмотрѣли на него гнѣвно, сильно измѣнили свой видъ (hleyptu miok ham sinum), проявили страшное ожесточеніе, свернулись кольцомъ и уползли въ землю. Тутъ земля задрожала, пошла ходить ходуномъ, такъ что казалось, будто волны поднимаются изъ-подъ пола

покоя. Тогда послышался большой грохотъ и страшный трескъ; Конраду почудилось, что распространился смрадъ и великое смятеніе, но онъ не различалъ точно, что это такое: отъ колебанія ли земли стали безпокойны змѣи, или онѣ отъ него проснулись и задвигались. Онъ сорвалъ сверху завѣсу, взялъ большой кусокъ дорогой ткани и сунулъ себѣ подъ мышку. Быстро вышелъ онъ изъ покоя, опираясь на свое копьище, потому что шатался между разными дверями, и ему казалось, вотъ-вотъ онъ упадетъ. Онъ захватилъ оба рога и кубокъ и взялъ съ собой; взялъ и много золота, хотя неизвѣстно, для чего. Все, мнилось ему, колебалось такъ же, какъ и прежде, и казалось, что оставаться тамъ было-бы непріятно. Сказывалъ онъ послѣ, что онъ убоялся тамъ и змѣинаго яда и всего другого, что приключилось. Грохотъ поднялся тамъ страшный; направился Конрадъ къ дверямъ покоя и вспомнилъ о томъ, что говорила ему королевна Матильда, что ему совсѣмъ не слѣдуетъ оглядываться, какіе бы страхи ни приключились. Казалось ему, что земля дрожитъ и всѣ стѣны города трясутся; слышалъ онъ позади себя вѣтеръ и страшный трескъ, вмѣстѣ съ тѣмъ великій свистъ и грохотъ и всевозможныя страсти. Говорятъ, ему казалось, что поднимаются волны, какъ когда кто находится въ морѣ и встаетъ буря. Онъ перескочилъ черезъ змѣй, что лежали передъ городскими воротами; направился къ тѣмъ самымъ воротамъ, которыми вошелъ сюда, и казалось ему, что вотъ-вотъ ворота на него обрушатся. И онъ увидѣлъ въ каждой ямѣ одну морду возлѣ другой и хвостъ къ хвосту; казалось ему, что змѣи почернѣли. Назадъ онъ вовсе не смотрѣлъ. Такимъ же образомъ перескочилъ онъ черезъ змѣя, что лежалъ у конца каменнаго моста. Когда онъ дошелъ до середины каменнаго моста, онъ оглянулся; казалось ему, когда онъ посмотрѣвъ въ ту сторону, будто одно облако пыли стало противъ другого. Вездѣ, гдѣ ему видѣлся цвѣтъ золота, на городскихъ ли стѣнахъ или въ воротахъ, — все представлялось чернымъ; одинъ дымъ поднимался кверху, такъ что его видно было въ небѣ, другой спускался внизъ.

Всякаго рода страшные звуки слышалъ онъ оттуда и видѣлъ много дивнаго.

Пошелъ онъ теперь, пока не прибылъ къ своей поклажѣ. Тутъ онъ возблагодарилъ Всемогущаго Бога, что Онъ избавилъ его отъ столь великихъ страховъ. Его левъ былъ ему радъ, и онъ положилъ на него весь свой скарбъ, какой не былъ на конѣ. Сѣлъ онъ на коня и поѣхалъ, пока не прибылъ въ страну слоновъ. Когда явился туда, убилъ свиней и далъ своему звѣрю. Взялъ клыки слона и другія его кости. И когда онъ прибылъ въ область дикихъ звѣрей и нашелъ, что шкура дикаго звѣря высохла, онъ понесъ ее съ своей поклажей. Не видѣлъ онъ теперь никакихъ страховъ и ѣхалъ, пока не достигъ Эѳіопскихъ острововъ. Его дружина обрадовалась ему, и казалось ей, что онъ вернулся чуть не изъ ада; затѣмъ они направили свой корабль къ Миклагарду».

Таковъ эпизодъ саги, отвѣчающій въ сказаніи о Вавилонскомъ царствѣ посланію Льва, царя Греческаго, въ Вавилонъ градъ за знаменіемъ.

Остальное содержаніе саги можно разсказать въ нѣсколькихъ словахъ. Вернувшись въ Миклагардъ, Конрадъ показываетъ Матильдѣ привезенныя имъ диковинки, значеніе которыхъ толкуется съ точки зрѣнія лапидарія и средневѣковыхъ повѣрій. Императоръ удовлетворенъ (зеленый камень оказался смарагдомъ), но прежде, чѣмъ сыграть свадьбу, онъ хочетъ помѣряться съ Конрадомъ на поединкѣ — и побѣжденъ; по желанію царя Конрадъ бьется и съ Робертомъ, надъ которымъ глумится: поднялъ его изъ сѣдла и бросилъ въ болото по поясъ, но щадитъ его жизнь. Между тѣмъ до отца Конрада дошелъ слухъ, что его сынъ погибъ въ Константинополѣ, и онъ сбирается туда походомъ; Конрадъ предупреждаетъ его, ѣдетъ самъ въ Саксонію и возвращается оттуда съ отцомъ и блестящей свитой. Бракъ отпразднованъ торжественно, и совершается раздача драгоцѣнностей, привезенныхъ Конрадомъ. А царь Миклагарда велѣлъ написать эту повѣсть въ трехъ книгахъ: одну послалъ императору

Ричарду въ Саксонію, другую датскому конунгу, третью оставилъ себѣ, дабы память славныхъ подвиговъ не погибла.

Конрадъ наслѣдовалъ своему тестю въ Миклагардѣ, за нимъ правилъ его сынъ отъ Матильды, Генрихъ, у него сынъ Kirialax; онъ былъ мудръ и любимъ и красивъ собою. Сказывали люди, что тотъ городъ, куда Конрадъ ѣздилъ за камнемъ, былъ въ началѣ обитаемъ людьми, но что змѣи и ядовитыя животныя ихъ истребили. — А тотъ царь (Kirialax) долго правилъ своимъ царствомъ, и ходятъ о немъ разныя достопримѣчательныя саги, хотя мы и не говоримъ о нихъ въ этомъ краткомъ разсказѣ.

Нѣкій клерикъ нашелъ эту сагу на пути, писанную совсѣмъ такъ, какъ пріобыкли разсказывать ее теперь мудрые люди.

II.

Составъ саги разнообразный, и Cederschiöld указалъ на параллели къ отдѣльнымъ ея частямъ и мотивамъ. Основная канва, исторія Конрада и Роберта, напоминаетъ нѣмецкій рыцарскій романъ о Loher und Maller; Loher — Конрадъ, Maller — Робертъ; то же предательство и сцена дѣйствія въ Константинополѣ. Болѣе отдаленное сходство мотивовъ представляетъ сага о Göngu-Hrôlfѣ. — Другія черты отзываются сказочною схемой или общими мѣстами средневѣковаго эпоса: помощные звѣри, трудныя задачи; страхъ слона передъ хрюканьемъ свиньи извѣстенъ изъ посланія Аристотеля къ Александру и т. д. На отношенія переведеннаго нами эпизода къ сказанію о Вавилонскомъ царствѣ указалъ и Cederchiöld на основаніи нашей статьи въ архивѣ Ягича (II, 1877 г.). Къ этому вопросу я обращусь далѣе, а пока поставлю вопросъ хронологическій: явившись въ Константинополь, Конрадъ совершаетъ разные бранные по-

двиги, между прочимъ, поражаетъ дракона въ долинѣ Пейсиновъ, Peizinavellir; *Peizinavellir* извѣстны и въ другихъ сѣверныхъ памятникахъ (Heimskringla 776, Geisli 52). Разумѣются, несомнѣнно, *печенѣжскія* долины, степи; въ половинѣ XI вѣка печенѣги перешли за Дунай, имъ отведены были земли въ придунайской Болгаріи, они дѣлаютъ набѣги на Ѳракію и Македонію до окрестностей Константинополя. Борьба съ ними заняла всѣ силы византійцевъ. Нашимъ печенѣгамъ отвѣчаютъ греч. Πατζινάκοι, лат. Pincinnati, Pincernati, Pincenates; Pescenaere поэмы о Нибелунгахъ; въ Chanson de Roland—Pinceneis; названіе страны во французскомъ эпосѣ: Pinçernie, Pinçonie.—Peizinir, Pezinir сѣверныхъ сагъ всего ближе къ франц. Pi(n)ceneis; указываетъ ли это на французскій источникъ? Какъ бы то ни было, самое упоминаніе Печенѣговъ является относительнымъ свидѣтельствомъ древности, потому что съ прекращеніемъ исторической роли этой народности исчезло изъ оборота поэтическаго преданія и ея когда то страшное имя.

Седершёльдъ собралъ нѣсколько сѣверныхъ параллелей къ «вавилонскому» эпизоду саги; всѣ они относятся къ памятникамъ болѣе позднимъ, но едва ли стоятъ въ связи съ сагой, какъ полагаетъ издатель (Inl. CLI). Въ Ingvars saga Vidförla разсказывается, что Вальдимаръ, стоявшій ночью стражемъ на кораблѣ, увидѣлъ на берегу какое то сіяніе; переѣхавъ на берегъ, онъ идетъ по направленію къ нему, видитъ холмъ, освѣщенный золотымъ свѣтомъ; тамъ все полно змѣй; онѣ спятъ. Вальдимаръ пользуется этимъ, чтобы достать древкомъ копья золотое кольцо, но тутъ проснулся одинъ змѣенышъ, разбудилъ другихъ, проснулся и царь змѣй, громадный Jaculus, и погнался за Вальдимаромъ, который спасается на судно; Jaculus взвился надъ нимъ, изрыгаетъ на него ядъ.—Ингваръ также находитъ у истока рѣки громаднаго дракона, лежавшаго на золотѣ; пока онъ идетъ на водопой, Ингваръ съ товарищами похищаетъ часть золота, велитъ своимъ людямъ не смотрѣть на дракона, коли онъ явится, но тѣхъ одолѣло любопытство, и они

падаютъ мертвые. Позже является въ то же змѣиное царство Sveinn, сынъ Ингвара: змѣи спали, Jaculus лежалъ вокругъ ихъ кольцомъ; Свейну удается убить его. — Въ Þáttr Þorsteins forvitna Гаральдъ Гардрадъ посылаетъ Торстейна достать рукоять изъ золотого дерева, похожую на двѣ рукояти къ кинжаламъ, которыя у него были. Гдѣ мнѣ искать ее? спрашиваетъ Торстейнъ? Ищи самъ, отвѣчаетъ король, какъ въ сагѣ о Конрадѣ. Съ помощью св. Олафа Торстейнъ находитъ пустынника, который и указываетъ ему путь къ жилищу змѣя, гдѣ все отливаетъ золотомъ и находится та вѣтка, изъ которой Торстейнъ и вырѣзалъ рукоять, пока змѣй ходилъ на водопой; почуявъ человѣка, змѣй погнался за нимъ, но Торстейну удается спастись молитвами св. Олафа. — Изъ Sturlaugs saga Starfsama Седершёльдъ отмѣчаетъ лишь одинъ мотивъ: Гаральдъ посылаетъ Стурлауга принести ему рогъ зубра; Гдѣ его искать? — Самъ о томъ подумай! Стурлауга наставляетъ воспитательница его жены.

Обратимся къ эпизоду «хожденія» въ нашей сагѣ. Его сходство съ повѣстью о Вавилонѣ несомнѣнно; хотя имени Вавилона нѣтъ, но обстановка змѣинаго царства та же; и тамъ и здѣсь герой проникаетъ туда въ урочное время: въ повѣсти въ воскресный день, когда змѣи лежатъ, какъ мертвые, отъ восхода до захода солнца (въ русской сказкѣ — между обѣдней и заутреней въ Свѣтло Христово воскресеніе), въ сагѣ — въ Пятидесятницу. Если въ сагѣ мотивъ хожденія иной, то это объясняется всей ея схемой: вѣдь Конрадъ долженъ исполнить «трудную задачу», чтобы достать себѣ невѣсту. Въ соотвѣтствующей части «Аполлонія» Генриха Нейштадскаго Лоній обязанъ принести изъ пустыннаго Вавилона «знаменіе», но цѣль посылки не объяснена; вставка въ отреченномъ житіи свв. Кирика и Улиты (по тексту Сырку) о знаменіяхъ ничего не знаетъ, да вставка и не могла имѣть ихъ въ виду. Лишь въ «повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ» добываніе знаменія сводится къ вопросу о перенесеніи регалій.

Посмотримъ, чтó видятъ въ Вавилонѣ и чтó оттуда приносятъ послы царя Льва: царь велитъ имъ достать «глаголъ — знаменіе у святыхъ трехъ отроковъ»; на ихъ гробѣ они видятъ чудесный *кубокъ*, который не трогаютъ; далѣе на одрѣ царскомъ два вѣнца и *грамоту* и *«царскія завѣсы»* (разсыпающіяся въ прахъ); крабицу сердоликовую съ багряницей, два ларца съ драгоцѣнными камнями, *златой кубокъ*, похожій на тотъ, что стоялъ на гробѣ святыхъ отроковъ; послы захватили съ собой и 25 (24) драгоцѣнныхъ камней.

Сага говоритъ о шести *камняхъ, завѣсѣ и кубкѣ;* говорится еще объ одномъ сосудѣ, съ пологомъ надъ нимъ и висящей сверху *золотой хартіей*. Что означаетъ эта хартія, мы такъ и не узнаёмъ; это, несомнѣнно, грамота нашего сказанія, о которой упоминаетъ и путешествіе нашего архіепископа Антонія: будто царь Левъ (Корлей) взялъ *грамоту въ Вавилонѣ* въ гробѣ у пророка Даніила, *кому быть царемъ въ Царѣградѣ*, куда она и была принесена. Умолчаніе саги о значеніи хартіи я склоненъ истолковать такъ, что въ какомъ-нибудь ея источникѣ (не непосредственномъ) хартія имѣла дѣйствительно смыслъ «грамоты», въ соотвѣтствіи съ нашей повѣстью, и что лишь въ позднѣйшей переработкѣ (саги или ея непосредственнаго источника?) этотъ смыслъ былъ непонятъ или затушеванъ.

Нѣсколько сопоставленій между сагой, «сказаніемъ» и эпизодомъ житія Кирика и Улиты небезынтересны въ цѣляхъ возстановленія обоюднаго преданія.

Конрадъ прибылъ въ страну львовъ, *не находитъ пути* въ странѣ, покрытой роскошною *травою*; затѣмъ является *левъ*, котораго Конрадъ и *убиваетъ*. Въ сказаніи о Вавилонскомъ царствѣ говорится о томъ, что кругомъ города надалеко все поросло великимъ *быліемъ*; посланцы видятъ *ступню малую, единаго звѣря хожденье*; «и найдоша на пути тецемаго звѣря *зайца*, и поставиша кони свои, и *убили того звѣря*, а сами пойдоша заячьимъ *слѣдомъ* и дошли ко граду Вавилону»; въ варьянтѣ сказано только, что они «обрѣтоша малаго *звѣря*». Трудно

представить себѣ, почему послы «поставили» своихъ коней, чтобы убить зайца; въ сагѣ говорится о львѣ, что понятно. Въ подлинникѣ (предполагаемомъ) сказанія могли прочесть λαγών вм. λέων.

Въ сагѣ громадный змѣй лежитъ на мосту, два змѣя передъ городскими вратами, два передъ палатой. Въ сказаніи гигантскій змѣй облегъ весь городъ, послы переходятъ черезъ него по лѣстницѣ къ церкви трехъ св. отроковъ; далѣе путь къ царскимъ палатамъ; одинъ варіантъ повторяетъ здѣсь эпизодъ о переходѣ по лѣстницѣ: «лѣствица черезъ зміевъ хвостъ лежитъ къ палатамъ царевымъ» (вар. с.). Ошибка ли это писца или слѣдъ древняго текста, гдѣ, какъ въ сагѣ, змѣи лежатъ и у входа въ палату?

Въ повѣсти о Вавилонѣ послы добираются до города среди змѣй — молитвами св. отроковъ, у Лонія съ собой предохранительное волшебное зелье и перстень; я сравнилъ эту подробность съ одной чертой нашей повѣсти: «бысть же по тому былію двѣ травы, а противъ тѣхъ травъ гадовъ всякихъ, зміи и жабы великія»; когда послы возвращались, они снова «обрѣтоша быліе». Въ сагѣ роль охраны принадлежитъ зеленому камню. Этотъ камень былъ извѣстенъ и славянскому сказанію о Вавилонѣ; сага можетъ въ данномъ случаѣ исправить чтеніе житія Кирика и Улиты: говорится о рѣкѣ, черезъ которую, безъ Божія соизволенія, никто не переходитъ; «и тогда придуть въси звѣри, тамъ же *камень зелель;* а мы прѣидохомь въ день четвертокъ повелѣніемъ Божіимъ». Контекстъ житія не внятенъ, но я не сомнѣваюсь, что, согласно съ сагой, слѣдуетъ читать: *камень зеленъ.*

Я предположилъ выше, что въ основѣ «вавилонскаго эпизода» саги было сказаніе, гдѣ основнымъ мотивомъ могло быть добываніе «царскихъ регалій», либо грамоты, «кому быть царемъ въ Царьградѣ». Можетъ быть, въ этомъ сказаніи уже являлись и помощные звѣри, или звѣрь, отвѣчающій льву Конрада. Русскія сказки, приведенныя мною и, въ большемъ оби-

ліи, проф. Ждановымъ, подтверждаютъ это предположеніе; разница та, что помощный звѣрь = левъ (медвѣдь) является не на пути въ Вавилонъ (или мѣсто безъ имени), а на обратномъ [1]). Задача царя въ сказкахъ такая: достать Вавилонскаго царства корону, скипетръ, рукъ державу и книжку при нихъ; либо царевну Скипетру. Вездѣ дѣло идетъ о змѣиномъ царствѣ; уже на обратномъ пути разсказанъ эпизодъ о борьбѣ змѣя со львомъ, котораго герой освобождаетъ; онъ и становится его помощникомъ; въ той же, нѣсколько затушеванной, роли является въ вологодскомъ пересказѣ медвѣдь.

Интереснѣе слѣдующія подробности, совпадающія съ сѣверными параллелями, которыя Седершёльдъ привелъ въ связь съ сагой о Конрадѣ: за уходящимъ героемъ гонятся змѣи, обцѣпили корабль, всѣ мосты облѣпили, либо Василиска Дьябольска (= василискъ), царица змѣинаго царства, сама налетаетъ на корабль. — Всего этого нѣтъ въ сказаніи о Конрадѣ, но нашлось въ приведенныхъ выше выдержкахъ изъ другихъ сагъ. Наоборотъ, сага о Конрадѣ представляетъ любопытное совпаденіе съ одной русской сказкой изъ могилевской губерніи: его герой подвергается у царя экзамену «изъ разныхъ языковъ: «енъ ему отдавъ акзаменты на дванадцати языкахъ дóразу». Въ сагѣ о Конрадѣ на этомъ построена вся завязка дѣйствія, съ тою разницею, что герой, Конрадъ, учится рыцарскимъ доблестямъ, не обращая вниманія на языки, какъ то совѣтуетъ его отецъ; учится имъ и владѣетъ ими другъ-предатель, Робертъ.

Остановимся еще на одной параллели, указанной Седершёльдомъ, между нашей сагою и сагами о Торстейнѣ и Стурлаугѣ: когда витязь, на котораго возложено опасное порученіе, спрашиваетъ посылающаго: гдѣ ему достать то или другое? ему от-

1) Садовниковъ, Сказки и преданія Самарскаго края, стр. 22—27 и вар.; Иваницкій, Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи, стр. 165—6 (Изв. Моск. Общ. Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, т. LXIX); Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ III, № 28 и 30; пересказъ Барсова у Жданова на стр. 10 слѣд.

вѣчаютъ: Гдѣ самъ знаешь. Сличите сказку у Аѳанасьева № 122: разсказъ идетъ о королѣ, который, желая овладѣть женою стрѣльца, даетъ ему трудныя задачи; послѣдняя такая: Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что; задачи исполняются при помощи вѣщей жены и ея матери.—Какъ видно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ отдѣльной чертой, можетъ быть, общимъ мѣстомъ сказочнаго стиля, не бросающимъ свѣта на генеалогическія отношенія варьянтовъ занимающаго насъ сказанія.

Предложенный нами разборъ соотвѣтствующаго эпизода саги даетъ поводъ къ нѣсколькимъ предположительнымъ выводамъ.

1. Путешествіе архіепископа Антонія, съ указаніемъ на грамоту, взятую императоромъ Львомъ въ Вавилонѣ, позволило заключить, что уже въ XII вѣкѣ существовало въ Византіи сказаніе, сходное по типу и по имени императора (Кор-Лей у Антонія) съ посланіемъ русской повѣсти (гдѣ имя императора Левъ, Левуй и т. п.). Если моя догадка о Peizinir = Печенѣгахъ подъ Константинополемъ вѣрна, то упоминаніе ихъ имени подтверждаетъ эту гипотезу. Взаимныя отношенія дѣйствующихъ лицъ, сѣверный витязь, воцаряющійся на мѣсто византійскаго императора — все это напоминаетъ эпоху Комненовъ и норманновъ и боевое самосознаніе варяжскихъ дружинниковъ и авантюристовъ, выразившееся въ Voyage de Charlemagne à Jerusalem, въ легендахъ о Робертѣ Нормандскомъ и королѣ Сигурдѣ [1]). Если Конрадъ бьется съ змѣемъ въ печенѣжскихъ степяхъ, то на него, быть можетъ, типически перенесены отношенія, отвѣчавшія дѣйствительному положенію дѣла при его внукѣ Kirialax'ѣ. Kirialax — это киръ Алексѣй Комненъ [2]), извѣстный своею борьбой съ печенѣгами въ 1085—91 годахъ; въ Heimskringla'ѣ, а именно въ помѣщенной въ ней сагѣ Hakons Herðibreiðs гл. 21, разсказывается о походѣ греческаго конунга (Grikkjakonungr) Kirialax'а = кира Алексѣя въ землѣ Блёкумановъ

1) Сл. мои Южнорусскія былины II, стр. 231 слѣд.

2) Сл. Кир-алк-си, Киръ Алекси (Алексѣй III) въ Сельджукъ-Намэ. Сл. П. Меліоранскій, Сельджукъ-Намэ, Византійскій временникъ I, вып. 3 — 4, стр. 632—3.

(Blökumannaland) и его боѣ съ язычниками à Pezinavöllu, причемъ на сторонѣ грековъ сражаются варяги, франки и флеминги. Издатель Геймскринглы, Унгеръ, толкуетъ Blökumannaland — землей влаховъ, Валахіей, Pezinavöllr = долина рѣки Betzina. И здѣсь, несомнѣнно, разумѣются печенѣги; можетъ быть, и имя Конрада, отброшенное за поколѣніе назадъ, слѣдуетъ искать въ окруженіи Алексѣя Комнена: въ 1102 году въ Никомидіи къ ломбардскимъ крестоносцамъ присталъ съ двумя тысячами *Нѣмцевъ* коннетабль *Конрадъ*, котораго императоръ Алексѣй освобождаетъ впослѣдствіи изъ плѣна у сарацинъ; въ 1071 году византійскіе норманы вызывали къ себѣ извѣстнаго Роберта Фриза (+ 1093), заманивая его, между прочимъ, и императорскимъ вѣнцомъ; сага досказала это, увѣнчавъ своего Конрада.

Kiralex является еще разъ въ седьмой изъ повѣстей, вставленныхъ въ романтическую Magussaga'у (по изданію Тордарсона), въ положеніи, напоминающемъ отношенія Конрада къ безымянному императору; и здѣсь пріѣзжій витязь воцаряется на мѣсто византійскаго конунга. Ежегодно въ праздникъ Пятидесятницы конунгъ давалъ пиръ, во время котораго положены были три запрета: если первое блюдо — лосось, его не переворачивать; не бросать ножа на столѣ такъ, чтобъ онъ зазвенѣлъ; не говорить такъ громко, чтобы слышно было въ другомъ концѣ покоя. Кто проступится противъ всего этого, того черезъ недѣлю казнятъ, но ему дается право заявить три желанія, которыя и будутъ исполнены. Вильгьяльмъ Гейрардсонъ, явившійся ко двору, кичливо нарушаетъ всѣ запреты и выражаетъ три желанія: чтобы въ теченіе недѣли ему предоставили царское достоинство, чтобы за него выдали царевну и въ его рукахъ находилась верховная судейская власть. Это и было исполнено. Въ послѣдній день онъ зоветъ всѣхъ на пиръ и тогда ставитъ вопросъ: видалъ ли кто изъ присутствующихъ, что онъ переворотилъ рыбу? Всѣ отнѣкиваются. Въ такомъ случаѣ я не заслужилъ смерти, говоритъ онъ и, въ качествѣ верховнаго судьи, рѣшаетъ, что царемъ будетъ онъ, а стараго

императора станетъ держать въ чести. Тотъ согласенъ, и Вильгьяльма вѣнчаютъ на царство.

Р. Кёлеръ собралъ нѣсколько варьянтовъ этого сюжета [1]); санъ-галленскій монахъ разсказываетъ его съ нѣкоторыми отличіями о константинопольскомъ императорѣ и посланникѣ Карла Великаго; я привлекъ къ сравненію и русскую повѣсть о Басаргѣ [2]).

Къ повѣсти о вавилонскихъ знаменіяхъ, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является Левъ мудрый, Κῦρ Λέων, окруженный цѣлымъ цикломъ другихъ чудесныхъ преданій [3]) — киръ Алексѣй привнесенъ, повидимому, внѣшнимъ образомъ. Еслибы показаніе Густынской лѣтописи, что царскія регаліи присланы были Владиміру Мономаху Алексѣемъ Комненомъ (вмѣсто Константина мономаха другихъ русскихъ извѣстій = Василія повѣсти о Вавилонѣ), не было личной попыткой составителя устранить хронологическую несообразность болѣе древняго преданія, мы поняли бы появленіе имени Kirialax'а въ разсказѣ объ инсигніяхъ, добытыхъ изъ Вавилона.

2. Каковъ бы ни былъ подлинникъ «вавилонскаго» эпизода саги (я указалъ на Peizinir = Pinceneis), въ немъ могла быть намѣчена цѣль хожденія — за царскими инсигніями или знаменіями власти (хартія), участвовалъ помощный звѣрь, какъ въ русскихъ сказкахъ; повѣсть о Вавилонѣ его забыла или затушевала. Наконецъ, судя по повторенному увѣренію саги, что въ таинственномъ городѣ, куда ѣздилъ Конрадъ, когда то жили люди, истребленные змѣями и гадами, можно заключить, что въ византійскихъ сказаніяхъ (и ихъ западныхъ отраженіяхъ?) существовалъ какой нибудь разсказъ, отвѣчавшій первой части нашей повѣсти о Вавилонѣ: о томъ, какъ онъ запустѣлъ. Содержаніе этого отдѣла такое:

1) Germania XXI: R. Köhler, Zur Magussaga, стр. 22 слѣд.

2) Въ докладѣ нео-филологическому обществу.

3) См. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о вавилонскомъ царствѣ, стр. 157.

Навуходоносоръ устраиваетъ вокругъ Вавилона «змій великъ, во главу бо зміеву въѣздъ во градъ», велитъ положить знаменіе змѣя на всей утвари, на хоромахъ и дверяхъ и на скотѣ; а самому себѣ сдѣлалъ «мечъ-самосѣкъ, аспидъ-змѣй». Когда на Вавилонъ нашли враги и много вавилонянъ уже было побито, выѣхалъ на помощь своимъ Навуходоносоръ, при бедрѣ его мечъ-самосѣкъ, который самъ выпорхнулъ изъ ноженъ и началъ сѣчь враговъ безъ милости. Они побѣждены, а Навуходоносоръ передъ смертью «повелѣ во градную стѣну мечъ свой самосѣкъ аспидъ-змій замуровати и, закля, не повелѣ вынимати до скончанія вѣка». По смерти Навуходоносора воцаряется его сынъ Василій, и снова нашли на городъ многіе цари съ великими силами; вавилоняне разбиты, просятъ царя помочь имъ, вынуть «изъ градныя стѣны отца своего мечъ-самосѣкъ... царь же Василій, рекъ къ нимь: Заклятъ мечъ у отца моего до скончанія вѣка, не повелѣлъ его вымати». Но онъ уступаетъ просьбѣ своихъ витязей; какъ выѣхалъ на брань, «тотъ же часъ самосѣкъ аспидъ-змѣй отъ царя изъ ноженъ выпорхнулъ и отсѣче царю Василію главу и царей великихъ посѣче съ великими силами. А у вавилонскихъ витязей войско все, что у нихъ было знамя на платіи и на оружіи, на коняхъ и на уздахъ и на сѣдлахъ и всякой воиньской сбруѣ зміи, тѣ всѣ зміи живы стали, вавилонское войско всѣ поѣли. А во градѣ, что было знамя зміи, женъ и дѣтей поѣли и всякій скотъ; а что былъ великій змій около града, и тотъ живъ сталъ, свистая и рыкая. Отъ тѣхъ же мѣстъ и до нынѣ царствующій Вавилонъ градъ новый (?) пустъ сталъ».

Иначе разсказана легенда о запустѣніи въ варіантѣ, изданномъ проф. Ждановымъ. «Бысть у царя Новходоносора младъ юноша отъ великаго роду и помниша въ умѣ своемъ с младаго своего ума сотворити змія великаго и страшнаго» вокругъ Вавилона. Царица велѣла украсить того змѣя, а царь пророчествуетъ ей: «наше бо все будетъ подножіе змія того». Въ теченіи двухъ лѣтъ змѣй былъ спокоенъ, на третій годъ онъ сталъ

рыкать и съѣдать по птицѣ въ день. Халдеи вѣщаютъ Навуходоносору, что змѣй пожретъ все въ Вавилонѣ, не останется тамъ ни единаго человѣка, та же участь постигнетъ и царя съ царицей. Халдеевъ велятъ заточить, но пророчество начинаетъ исполняться, «змію же тому вельми рыкающу, а малѣйшия же зміи около того великаго змія множество же, и какъ змій великій тронется с мѣста своего, и ложе его, сиречь мѣсто, полно младыхъ зміевъ и жабъ и скорпіевъ». Дѣло доходитъ до царицы, затѣмъ и до царя; опечаленный грядущей участью, онъ «снятъ зъ главы своея царьскій свой вѣнець и положи въ полатѣ царской и у гроба святыхъ трехъ отрокъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила». Онъ идетъ къ воротамъ города, гдѣ змѣй пожираетъ его. Съ тѣхъ поръ Вавилонъ опустѣлъ, поросъ лѣсомъ и быліемъ великимъ и служитъ обиталищемъ змѣямъ, жабамъ и скорпіямъ.

Источникъ саги зналъ, очевидно, другой исходъ дѣйствія, въ согласіи съ другими текстами сказанія: его мечи, водруженные подъ кровлей царской палаты, отвѣчаютъ мечу самосѣку - аспиду Навходоносора и Василія.

III.

Если въ западныхъ пересказахъ сохранилось содержаніе третьей части нашего сказанія (посольство въ Вавилонъ), а въ сагѣ намеки на существованіе второй (запустѣніе Вавилона), то для первой встрѣтилось лишь нѣсколько параллельныхъ мотивовъ. Я имѣю въ виду разсказъ о младенцѣ, найденномъ въ лѣсу близъ Вавилона подъ сосною, на которой сидѣла сова, тогда какъ ребенка питала коза. Въ томъ лѣсу жили больные, высланные туда царемъ Аксерксомъ, желавшимъ соблюсти городъ отъ мора или морового пострѣла; признакомъ болѣзни являлось красное пятно на лбу; западные свидѣтельства говорятъ о проказѣ.

тѣ люди и нашли младенца, дали ему имя Навходъ или Находъ, соединили его съ названіемъ совы: Носоръ (Осоръ) и козы Аха (Ахаизда) — и получилось имя Навходоносоръ. По смерти царя Аксеркса Навуходоносоръ избранъ царемъ, потому что надъ нимъ однимъ вскипѣлъ рогъ съ муррой, поставленный въ городскихъ воротахъ (припомнимъ одинъ изъ роговъ саги); Навуходоносоръ и устроилъ вокругъ Вавилона великаго змѣя.

Проф. Ждановъ [1]) нашелъ параллели къ этому разсказу у итальянскаго богослова Менокки (1574—1655: Brevis explicatio sensus littera totius scripturae): говорится in aliquibus historiis, что новорожденный Навуходоносоръ (de novo... natus) былъ заброшенъ въ лѣсъ, гдѣ надъ нимъ сидитъ сова, его питаетъ коза, находитъ подъ деревомъ прокаженный. Сова на ихъ языкѣ зовется nabu, коза chodo, прокаженный — nosor; оттуда названіе мальчику. Такъ и въ русскомъ переводѣ этой статьи: наву, ходо, носоръ. Этотъ Навуходоносоръ не тотъ, о которомъ говорится въ книгѣ Юдиѳи. — Ту же легенду приводитъ въ XII вѣкѣ и Готфридъ изъ Витербо въ своемъ Пантеонѣ, въ прозаическомъ и стихотворномъ изложеніяхъ: Навуходоносоръ оказывается natus ex incerto coitu, но ex quadam regiae propaginis foemina (въ стихахъ: foemina moecha?); имя его составлено изъ трехъ: nabus enim id est bubo, chodir — capra, nosor (въ стихахъ: nosora) — lepra; въ прозѣ говорится, что таково значеніе этихъ словъ in lingua Armena et Chaldaea; стихи ограничиваются указаніемъ на армянскій языкъ:

Haec et ab Armenis fateor me sic didicisse.

Лишь для полноты обзора упомяну, вслѣдъ за проф. Ждановымъ, показаніе Азбуковника: Новходоносоръ — прокаженный; съ притчи бо сіе имя дано есть, сказуетъ бо ся: ноу — сова, ходо — коза, носоръ, — прокаженный.

Оріенталистамъ предстоитъ опредѣлить, какому языку принадлежатъ эти слова; намъ важно указаніе Готфрида на устныя

1) l. c. стр. 42 слѣд.

сообщенія *армянъ*. Проф. Ждановъ напоминаетъ, что въ одномъ изъ пересказовъ повѣсти о Вавилонѣ супруга цареградскаго императора названа *армянкой*, «арменіей» [1]); укажу съ своей стороны, что въ поэмѣ Генриха Нейштадтскаго Аполлоній, играющій роль пословъ нашего сказанія, роль Конрада въ сагѣ, призванъ на помощь властителямъ *Арменіи*, Валтасаромъ. У Моисея Хоренскаго есть разсказъ объ одной *армянской* царицѣ, пожелавшей овладѣть шапкой-невидимкой, либо волшебнымъ зельемъ, принадлежавшимъ *властителю змѣй*. Она направляетъ на него мужа и сыновей, все *змѣиное отродье* истреблено, но отмщаетъ за себя, подмѣнивъ наслѣдника престола оборотнемъ, который становится причиной гибели и своей и братьевъ [2]).

Легенда о таинственномъ царствѣ могла сложиться или видоизмѣниться въ Арменіи, но мы откроемъ у нея связи съ Эѳіопіей, можетъ быть, на почвѣ общихъ церковно-религіозныхъ теченій, (монофизитство) и отмѣченной изслѣдователями особой предилекціи армянской и коптской церквей къ ветхозавѣтному преданію. Этимъ общеніемъ придется, вѣроятно, объяснить и распространеніе молитвы св. Сисиннія [3]), и свѣдѣніе Рубруквиса, что Меѳодій, авторъ извѣстныхъ откровеній, ходящихъ подъ его именемъ, глашатай эѳіопскаго правовѣрія, считался армянскимъ пророкомъ [4]). Соберу нѣсколько данныхъ для рѣшенія этого загадочнаго вопроса.

Отецъ Навуходоносора въ сказаніи не названъ; у Готфрида изъ Витербо его мать царскаго рода. Брунетто Латини отрицаетъ это, утверждая только, что онъ nasqui d'avoutire celéement. Въ Палеѣ — онъ сынъ царицы Южицкой (= Савской):

---

1) l. c. 47.

2) Alfred v. Gutschmid, Kleine Schriften, II, стр. 393.

3) См. мою статью: Молитва св. Сисиннія и Верзилово Коло въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCXCIX (1895 № 5), отд. 2, стр. 230. Сл. съ тѣхъ поръ: Матовъ, Верзиуловото коло и навитѣ, въ Български Прѣгледъ, годъ II, кн. IX—X, 1895; Сырку, Визант. Временникъ т. II, вып. 4, стр. 707 слѣд.

4) См. мои Опыты по исторіи развитія христ. легенды I, I стр. 328, прим. 1.

разсказывается, какъ она явилась къ Соломону испытать его мудрость, какъ онъ дознался, что ея ноги обросли волосами, избавилъ ее отъ этого недостатка и совокупился съ ней. Она удалилась въ свою землю, гдѣ и родила Навуходоносора. Въ соотвѣтствующей эѳіопской легендѣ онъ названъ Baina-Hekem или Ebna-Hakim (иначе: Menilek, Давидъ); имя царицы — Македа [1]).

Нѣкоторые тексты Вавилонской повѣсти открываются статьей, отвѣчающей приведенному выше разсказу Палеи въ такомъ обоюдномъ пріуроченіи: явленіе царицы Савской къ Соломону; чудо съ волосами; вернувшись къ себѣ, царица родитъ сына. «І призва к себѣ верна слугу и одари его, и дасть ему злата много, и повелѣ ему отроча своего въ Вавилонскіе предѣлы отвѣсти, на лѣсу положити повелѣ». — Къ этому и примыкаетъ разсказъ объ Аксерксѣ и избраніи Навуходоносора [2]). Очевиднымъ искаженіемъ этого свода является такой варьянтъ повѣсти: первымъ царемъ Вавилона былъ Іоаннъ, именемъ Немвродъ, а за нимъ Навходоносоръ; онъ обручилъ за себя Перскую царевну; чудо съ волосами; царь подпалилъ ихъ.

Соединеніе легенды о Навуходоносорѣ, сынѣ царицы Савской, съ Вавилонскимъ сказаніемъ представляется внѣшней контаминаціей; между тѣмъ уже Откровенія Меѳодія говорятъ, что Навуходоносоръ, сынъ царицы Савской и какого то Лузія (въ лат. текстѣ: Lacedaemonius), былъ въ войскѣ Сенериѳа (Сеннахерима), когда, воюя съ царемъ индійскимъ (эѳіопскимъ), Сенериѳъ опустошилъ всю страну до Савы. Вотъ относящійся сюда текстъ: «Възатъ Сенериѳ женѫ краснѫ некѫѭ ѿ Нафа и ѿ Араиѳы, и роди емоу Авимелеха и Сарасѫ. Сіа же оубиста оца своего и бѣжаста въ земѧ араратскѫѭ, и цртвова Сароудоумъ (лат. Assaradon) въ Бабилонѣ въ мѣсто оца своего [С]енериба. Навоуходоносоръ же, иже изъ оца Лоузіа родивыса, а ѿ матере

1) Къ легендѣ о царицѣ Савской = Сивиллѣ средневѣковаго преданія сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ гл. VIII; Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, 1: Сивилла — Самовила — reine Pédauque: Берта; Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха X, стр. 370 слѣд.

2) См. Ждановъ l. c., стр. 580—1.

цр҃цѫ Савы, егда вънide Сенеримъ братися съ црем҃ъ индiйскы҃ и даже до Савы опоусти страны многы, изыде съ нимъ и Навоуходоносоръ, ꙗвѣ ꙗко изведшоу емоу и того съ собоѫ, и постави его воеводою себѣ; и прѣмудрости ради сѫщѫѧ въ немѧ и силы дастьсѧ емоу цр҃гво вавилѡнъское». У него сынъ Валтасаръ [1]).

Къ легендарной связи *Савской земли* = Эѳіопіи съ *Вавилономъ* присоединяется и связь съ *Арменій*, потому что вмѣсто араратской земли, куда бѣгутъ сыновья Сенерифа-Сеннахерима, его убійцы, надо читать: армянскую. Іосифъ Флавій (Ant. Iud. X, 1, 2) говоритъ о пришествіи сыновей Сеннахерима въ Арменію; то же у Моисея Хоренскаго (I гл. 23): «восьмидесятью годами, болѣе или менѣе, прежде царствованія Навуходоносора жилъ Сеннахеримъ, царь ассирійскій. Онъ умерщвленъ сыновьями своими Адромеломъ и Саннасаромъ, которые послѣ того бѣжали въ Арменію». Народная армянская легенда, записанная г. Хахановымъ, дѣлаетъ изъ Сенесара и Сенекерима сыновей египетскаго князя Оханеса, христіанина; когда египетскій царь воздвигъ на христіанъ гоненіе, двое старшихъ сыновей Оханеса были принесены въ жертву кумирамъ, двухъ младшихъ онъ успѣлъ отправить въ монастырь на островъ, «гдѣ жили христіане, исповѣдующіе вѣру по Новому и Ветхому завѣту». Но царь, узнавъ объ ихъ убѣжищѣ, посылаетъ за ними, убѣждаетъ ихъ поклониться египетскимъ богамъ; тогда Сенекеримъ, успѣвшій схватить трехпудовую гирю, опустилъ ее на голову царя, такъ что погрузилъ его въ землю на одинъ аршинъ, а ноги грѣшника стали болтаться на воздухѣ. Разбиты и идолы [2]).

Перейду теперь къ эѳіопской легендѣ о томъ, какъ «царская власть Давида перешла въ руки абессинскаго царя» [3]). Разсказывается извѣстная и въ русскихъ варіантахъ легенда о построеніи Соломономъ храма, причемъ камни не тешутся; тогда

1) Тихонравовъ, Пам. Отр. лит. II, стр. 216.

2) Сл. Этнограф. Обозрѣніе XVII, стр. 160 слѣд.

3) Amelineau, Contes et romans de l'Égypte chrétienne, I, гл. VII, стр. 144 слѣд.; 147 сл.; 156 слѣд.; 159 сл.

царь велѣлъ поймать птенца рока и посадить его подъ мѣдный котелъ; старая птица ищетъ птенца и приноситъ изъ Эдема кусокъ дерева, который и бросаетъ на котелъ; онъ разсѣлся на части, птенецъ вылетѣлъ на свободу, а израильтяне научились тесать камни. — Это — разсказъ Палеи о созданіи Соломонова храма и шамирѣ. Къ нему примыкаетъ извѣстная легенда о пришествіи царицы Савской = Сивиллы, которая названа царицей Темана: у нея одна нога козья (потому что ея мать, будучи беременной, залюбовалась красивой козой и похвалила ея ноги); Соломонъ желаетъ убѣдиться въ этомъ недостаткѣ и велитъ напустить воды, чтобы царица приподняла подолъ платья; она вступаетъ на эдемское дерево, и нога принимаетъ человѣческій видъ. Царица велитъ возложить на стволъ серебряный обручъ; впослѣдствіи обручей набралось тридцать, они достаются Іудѣ въ награду за предательство, а на древѣ распятъ Христосъ. — Соломонъ прибѣгаетъ къ хитрости, чтобы овладѣть царицей, которая удаляется къ себѣ; а Соломонъ говоритъ ей: коли у нея родится сынъ, пусть явится къ нему, онъ поставитъ его царемъ; знаменіемъ будетъ это кольцо. Царица родитъ сына; выросши, онъ начинаетъ допрашивать мать объ отцѣ, отправляется въ Іерусалимъ, признанъ Соломономъ и вѣнчанъ на царство подъ именемъ Давида.

Давидъ отвѣчаетъ Навходоносору палейной легенды; онъ не найденышъ, какъ въ повѣсти о Вавилонѣ, но также выростаетъ на сторонѣ и признанъ лишь по знаменію.

Затѣмъ эѳіопская легенда продолжаетъ непосредственно мотивомъ объ увозѣ святыни. Въ храмѣ Господнемъ была скинія Завѣта, гдѣ находился жезлъ Аарона, мѣры манны, обложенныя золотомъ и одѣтыя шелкомъ. Въ этой скиніи представлялось народу нѣчто дивное: когда священники кончали свое молитвословіе и народъ начиналъ молиться, простираясь передъ Всемогущимъ, *скинія поднималась въ воздухъ;* это было знакомъ, что молитва доходна къ Богу. Если скинія не двигалась, всѣ были увѣрены, что произошло это по ихъ грѣхамъ, и принимались

молиться и плакать, пока чудо не совершалось. Давидъ объявляетъ Соломону, что хочетъ похитить эту святыню и перенести ее въ свою землю. Соломонъ въ началѣ противится, но потомъ говоритъ: если ужъ на то воля Господня, то пусть Давидъ похищаетъ скинію, но ему ничего о томъ не объявляетъ и не прощается съ нимъ, потому что священники заставятъ его поклясться, что онъ о томъ ничего не зналъ, а онъ не хочетъ произнести — ложной клятвы. Похищеніе совершается, при напрасной погонѣ за бѣглецами и разныхъ чудесахъ; когда Давидъ явился къ матери, она уступила ему свою власть, и съ тѣхъ поръ Эѳіопіей стали править наслѣдники Давида, вѣчно владѣющіе скиніей Завѣта; при одномъ изъ его наслѣдниковъ, Bâzên'ѣ, родился Христосъ.

Легенда эта, принадлежащая поздней порѣ среднихъ вѣковъ, развила романтическими мотивами эѳіопское повѣрье, что у царицы савской Македы (сл. I Царствъ 10) былъ отъ Соломона сынъ. Отъ него то идетъ, по преданію, съ перерывомъ въ три слишкомъ столѣтія, вторая абессинская династія, смѣнившая первую, ведшую свое происхожденіе отъ миѳической змѣи арва. Генеалогическая связь съ Соломономъ, какъ и разсказъ о перенесеніи скиніи, указываютъ на извѣстную религіозную подкладку. Это требуетъ объясненія.

Въ южно-арабскихъ надписяхъ встрѣчается названіе Habaschat, народности, жившей въ Іеменѣ — и въ Абессиніи: это Abaseni Уранія, арабск. Habasch, Habaschat, средневѣковое Abassia (Abbasie une grant province у Марка Поло); португальцы проникли изъ береговой полосы Abassia въ горы Abexim, оттуда наша Абессинія. Абессинскіе цари Аксума простирали свою власть и надъ Іеменомъ; судя по одной эѳіопской надписи абессинцы были язычники, поклонялись Mahrem'у = Ἄρης, Astar, въ которомъ видятъ *сабейское* Athtar и др., но уже съ начала III вѣка въ Іеменѣ среди гимьяритовъ пустило корни *іудейство*, тогда какъ въ первой трети слѣдующаго столѣтія *христіанство* проникло въ Абессинію проповѣдью Фрументія и Эдесія; около

того же времени сложилась и легенда о просвѣтительной дѣятельности ап. Матвѣя въ Эѳіопіи. Распространеніе христіанства въ Абессиніи отвѣчало политическимъ цѣлямъ Византіи и аксумской династіи, но вызвало противодѣйствіе народной партіи, въ которой были и язычники и іудействующіе — и войны аксумитскихъ царей съ Іеменомъ, кончившіяся въ 525 году, когда Caleb Elesbaas (Ela — Asbeha) разбилъ гимьяритскаго царя Dhû-Nuwâs'a, гонителя христіанъ въ Неджранѣ. Латинская Passio Matthaei, переносящая эѳіопское христіанство къ апостольскимъ временамъ, говоритъ о царяхъ древнѣйшей абессинской династіи, Aeglippus и Beor (Aglebûl и Bawaris исторіи), но представляетъ ихъ въ чертахъ Элесбааса, christianissimus rex, побѣдителя іудействовавшихъ гимьяритовъ. Отъ нихъ то и могли проникнуть въ Эѳіопію соотвѣтствующія религіозныя теченія; позже благодаря нерадивымъ отношеніямъ Александрійскаго патріархата къ юной эѳіопской церкви, сабеизмъ и еврейство снова подняли тамъ голову; абессинское христіанство и до сихъ поръ представляетъ такія синкретическія явленія, какъ соблюденія субботняго покоя — и совершеніе таинства евхаристіи въ субботу, какъ уживаніе обрѣзанія съ таинствомъ крещенія и т. п.; напомнимъ и Феллаша или Фаллаша — евреевъ субботниковъ, переселившихся въ Абессинію въ первые вѣка христіанской эры. Въ такой средѣ могла создаться и легенда о еврейскомъ происхожденіи эѳіопскихъ династій и святыни. Не только Havila = Іеменъ, но и Kusch = Эѳіопія оказались приверженными ветхозавѣтному закону; такова въ IX вѣкѣ точка зрѣнія Eliud ben Mahli, помѣщавшаго именно тамъ четыре изъ исчезнувшихъ израильскихъ колѣнъ. Но уже въ 470 — 80 годахъ одинъ изъ предшественниковъ Caleb Elesbaas'а обновилъ сношенія съ Византіей и александрійскими патріархами, результатомъ которыхъ явилась посылка Іоанна Парамонарія и обновленіе христіанства въ формахъ монофизитства [1]).

1) Сл. Deramey, Introduction et restauration du christianisme en Abyssinie въ Rev. de l'histoire des réligions, XVI ann., t. XXXI № 2; Ignazio Guidi, L'Abis-

Легенда о скиніи могла остаться, но ветхозавѣтное ея содержаніе осложнилось новозавѣтнымъ. Абессинскіе цари владѣютъ этой святыней изъ рода въ родъ[1]).

Мы увидимъ далѣе, по какому поводу къ религіозной идеѣ могла примкнуть и политическая, къ святынѣ — царскія инсигніи. Пока поставимъ вопросъ: сага о Конрадѣ разумѣетъ ли запустѣлый Вавилонъ Навуходоносора или — Эѳіопію? Bláland отвѣчаетъ именно послѣднему обозначенію; драгоцѣнный столикъ, чудеснымъ образомъ висящій въ воздухѣ, напоминаетъ поднимающуюся на воздухъ скинію. Съ другой стороны въ нѣсколькихъ сборникахъ повѣсть о Вавилонѣ кончается своеобразно: послы принесли царю Льву знаменія Вавилона; «царь же восхоте оттоле ити въ *Индею; Давыдъ же царь* греческиі (вар. к҃ртлѧ҃ски) рече: Пойди на страны полунощныя, на враги иноверны за веру и за родъ христіанскиі»; либо: «царь же оттолѣ восхотѣ изыти *выndѣю* и на страны полунощныя на враги иноверны за родъ христіанскиі». Куда же направлялось въ источникѣ повѣсти о Вавилонѣ посольство царя Льва за знаменіемъ и регаліями? Я читаю съ варіантомъ: Давидъ, царь христіанскій, Давидъ — первый эѳіопскій властелинъ, обладатель палладіума-скиніи. Получивъ *оттуда* знаменія, императоръ Левъ хочетъ идти «въ Индію», уже въ древности обычно смѣшивавшуюся съ Эѳіопіей и Ливіей, какъ позже, въ географіи апокрифовъ и въ

---

sinia antica, въ Nuova Antologia 1896, 16 Giugno, стр. 605 слѣд. (съ указанной тамъ литературой); Lipsius, Die apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden I, 137, 139; Egli, Nomina geographica, 2-e Aufl. a. v. Сл. мою замѣтку: Амфилогъ—Evalach въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCLXII, отд. 2, стр. 376.

1) Отраженіемъ древнихъ представленій объ эѳіопской скиніи является слѣдующій современный абессинскій обычай: когда войско выступаетъ въ походъ противъ непріятеля, приносятъ *ящикъ*, присланный вселенскимъ патріархомъ; въ этотъ ящикъ кладутъ очень древній списокъ священныхъ книгъ и двѣ скрижали съ десятью заповѣдями. Ящикъ этотъ зовется *ковчегомъ завѣта*, его защищаютъ отборные бойцы; когда войску грозитъ опасность, предводитель возвѣщаетъ, что ковчегъ въ опасности, и тогда всѣ дерутся до послѣдней крайности, либо побѣждаютъ, либо погибаютъ всѣ до послѣдняго. Сл. С.-Петербургскія Вѣдомости 1896 г. 21 іюня, № 168.

средніе вѣка, съ Арахозіей, южной Аравіей и Абессиніей; а Давидъ направляетъ его на сѣверъ, къ иновѣрцамъ, вѣроятно, въ связи съ той русской приставкой, которую получила у насъ повѣсть о Вавилонѣ въ разсказѣ о новомъ перенесеніи знаменія изъ Царьграда на Русь. — Позволю себѣ попутно еще одинъ вопросъ: за знаменіемъ Вавилона идутъ три посланца, грекъ, славянинъ и обежанинъ: абхазецъ, обезъ, Абазгъ, какъ понимаютъ обыкновенно, или — *абессинецъ*, Aḃaschâ?

Дальнѣйшія осложненія сказанія мы можемъ услѣдить на почвѣ легендъ о пророкѣ Іереміи, романа объ Александрѣ и представленій объ Александровой монархіи, какъ смѣшеніи четырехъ великихъ царствъ, обнимавшихъ дотолѣ всемірную исторію.

Отмѣтимъ нѣсколько фактовъ. Маккав. II, гл. 2, ст. 4—8 разсказываетъ о томъ, какъ Іеремія, передъ Вавилонскимъ плѣненіемъ, «нашелъ жилище въ пещерѣ и внесъ туда *скинію* и ковчегъ и жертвенникъ кадильный и заградилъ входъ». Апокрифъ объясняетъ, что положилъ онъ тѣ святыни въ пустынѣ, въ камнѣ, «идѣже первѣе ковчегъ со инѣми положися». Другія отреченныя сказанія пріурочили смерть пророка къ *Египту*, къ Тафнѣ; онъ положенъ былъ у Фараонова дворца, откуда Александръ Македонскій перенесъ его останки въ Александрію; его мощи охраняютъ египтянъ отъ *змѣй-аспидовъ* и крокодиловъ.— По Псевдокалисѳену Александръ скончался въ Вавилонѣ азіатскомъ; старо-французскій романъ еще помнитъ громаднаго змѣя, черезъ котораго онъ переступилъ—змѣя нашей повѣсти. Источникъ такъ-называемой Сербской Александріи переноситъ и смерть Александра изъ Вавилона азіатскаго въ египетскій, въ двухъ миляхъ отъ Каира, въ землю Гесемъ, гдѣ по преданію мученически скончался и Іеремія[1]). Вавилонъ египетскій, т. е. *новый*, сравнительно съ старымъ. Загадочнымъ является въ

---

1) Сл. мои: Изъ исторіи романа и повѣсти I, гл. VII стр. 337, 339 слѣд.; стр. 433 слѣд.

нашей повѣсти о Вавилонѣ заключеніе эпизода о «запустѣніи»: «отъ тѣхъ же мѣстъ и до нынѣ царствующій *Вавилонъ градъ новый* пустъ сталъ». Можетъ быть, и здѣсь совершилась та же замѣна географической мѣстности, какъ въ греко-сербской Александріи; это дало бы намъ возможность связать оба памятника въ ихъ источникахъ и славянскомъ пересказѣ; напомню въ Повѣсти о Вавилонѣ «царей долматинскихъ», «Дятковича властеличника Болгаристра»; осмысленіе: nabu и chodo въ Находѣ=найденышѣ[1]). Такимъ образомъ наше сказаніе вошло бы въ одну группу южнославянскихъ повѣстей съ сербской Александріей, Троянскими дѣяніями, Тристаномъ и Бовой; г. Истринъ включаетъ сюда и южнославянскій текстъ сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ[2]).

Всемірная монархія Александра, соединившая въ себѣ предшествовавшія ей міровыя царства, пріурочилась къ Египту, точнѣе къ Эѳіопіи. Такова точка зрѣнія Откровеній Меѳодія[3]). Навуходоносоръ *Вавилонскій* — сынъ *Лузія* и царицы *Савской*, т. е. Эѳіопской; жена Навуходоносора отъ мидянъ; по смерти его сына Валтасара царствуетъ Дарій *Мидійскій*, отъ него и жены Доуроперсіи родится Киръ *Персидскій*. «Слыши же како смѣсишѧсѧ цр҃ствіа межлоу собоѫ, вавилѡнъское съ еѳіопьскы-имъ, перское же съ мидъскыимъ, и обладаѫще бысть вавилѡнъское царство Еѳіопіеѫ и Савоѫ и црми азычьскыми ѿ морѣ до

1) См. выше стр. 24.

2) См. И. Истринъ, Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ. Москва, 1893, стр. 61.

3) См. Тихонравовъ, Пам. Отр. литературы II стр. 216 слѣд.; соотвѣтствующіе отрывки греческаго текста въ моихъ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды I, стр. 308 слѣд.: Vassiliev, Anecdota graeco-byzantina, pars prior, № 5 a. Для хронологіи меѳодіевскихъ откровеній сл. Изъ исторіи развитія христ. легенды l. c.; мой отчетъ о книгѣ Zeschwitz'a въ Журн. М. Н. Просв. ч. CXCIV, отд. 2, стр. 182; Alfr. v. Gutschmid, Kleine Schriften II, 16 прим. (Откровенія въ первой половинѣ VIII вѣка) и V, 504 (между 618 и 678 годами). Klostermann, Analecta zur Septuaginta, Hexapla und Patristik. Lpz., 1895, издавшій въ приложеніи къ своей книгѣ греческій текстъ Даніилова Апокалипсиса, ограничился, въ вопросѣ объ отношеніи къ нему Меѳодіевскихъ откровеній, указаніемъ на Zeschwitz'a и Gutschmid'a.

рѣки еѳратъскыѧ. еще же и цр҃твомъ Дѣдовѣмъ по Новоходо-носорѣ, и аварми и егуптѣны Даріе убо мидскыи облада цр҃твіе индїискыимъ и ливїискыимъ, Киръже перскыи пѣатъ Ѳракіѫ и свободи с҃ны їзр҃левы и посла ихъ въ земѧ обѣтованнѫѫ за-повѣдавъ имъ създати црк҃вь Б҃иѫ разоренѫѫ Новоходоносо-ромъ. тѣмже и бы҃ по повелѣнию цр҃ѣ Кира. Слыши оубо съ извѣщеніемъ многымъ, како четири съединишѫсѧ цр҃тва, еѳи-оплѣне македонѣномъ, а грьци елиномъ». Филиппъ македон-скій взялъ за себя Хусиѳу (Χουσήθ), дочь эѳіопскаго (вар. моур-скаго) царя Фола; отъ нея родился Александръ; онъ создалъ Александрію, обладалъ градами и многими странами, обошелъ всю землю, заключилъ за горами плѣнные народы, имѣющіе снова выйти въ послѣдніе дни. По смерти Александра его мать Хусиѳа-Олимпіада вернулась къ отцу; за нее сватается Визъ (Βύζας), создатель Визъ-града, т. е. Царьграда. Самъ Фолъ ве-зетъ ее туда, съ нарочитыми индіанами и эѳіоплянами. У Виза и Хусиѳы дочь Византія, на которой женится царь римскій Ро-милъ Армалей (ὁ βασιλεὺς Ῥώμης ὁ Ῥώμυλος ὁ καὶ τὴν Ῥώμην κτήσας; въ текстѣ, изданномъ Васильевымъ [1]): Ῥώμυλος ὁ βασι-λεὺς Ῥώμης ὁ Αρχέλαος); у нихъ три сына: Армалей (въ текстѣ Васильева l. c. Αρχέλαος) царитъ въ Римѣ, Оурванъ (Ὀρβανός, Οὐρβανός) въ Визѣ; Клавдій въ Александріи. Оукрѣпижесѧ сѣмѧ Хоусиѳы, дъщере Фола цр҃ѣ еѳіопьскаго, и поѧтъ македонъ-ское и елинское и римское цр҃тво. цр҃тво же елинское, сирѣчь грѣчьское, еже ѥ҃ сѣмене еѳіопьскаго, сіе прѣварит ръкоѫ сво-еѫ къ Б҃оу вь послѣнїи д҃нь, по пр҃рчьстѣмъ прореченїи. Нѣціи же оубо възнепщевашѫ ꙗко за еѳіопьскаго цр҃тва въспомѣ-ноуѫ с҃тыи пр҃ркъ Д҃вдъ ре҃ сѝ. нѫ сългани бышѫ ѿ истины сїа оумыслившеи. иже бо ѿ сѣмене еѳіопьскаго си имать великое и ч҃тное дрѣво кр҃тное, въдръзеное посрѣдѣ земѧ. тѣмже и при-лежно тъи богооц҃ъ Д҃въ гл҃аше: Еѳїопїа прѣваритъ ръка еѫ къ Б҃оу».

---

1) Vassiliev, Anecdota graeco-bysantina, Pars prior, стр. 34.

Когда въ концѣ дней явится царь избавитель, онъ выйдетъ отъ «моря эѳіопскаго», ἐκ τῆς θαλάσσης Αἰθιωπίας ἤτοι τοῦ Βυζαντίου; въ пророчествахъ Сивиллы у Готфрида изъ Витербо — это rex romanorum, всюду онъ воздвигнетъ крестъ Христовъ, tunc namque preveniet Egyptus Ethyopiam manus dare Deo. Въ житіи св. Андрея Юродиваго, въ отдѣлѣ пророчествъ о послѣднихъ дняхъ, послѣ безбожнаго царя «пріидетъ цр҃ь еѳіопьскій отъ перваго рода (ὁ ἐκ Αἰθιωπίας ἀπὸ τοῦ πρώτου κέρατος), его же рече Іоаннъ, ако и еиме держита цр҃скую область»; онъ возстановитъ разрушенныя церкви и будетъ царствовать съ миромъ; и «простретса любы Господня, того дѣла, по всей вселеннѣй, будетъ радость и веселіе. Да и что цр҃тко проидета» [1]). Сл. анонимное пророчество о судьбахъ Византіи: въ послѣдніе дни Римъ обратитъ свои взоры на Эѳіопію, Αἰθιωπία ταραχθήσεται ὡς μύρμηξ καὶ σαλεύσει τοὺς πόδας κατὰ τὸ εἰρημένον ὑπὸ τοῦ Κυρίου διὰ τοῦ προφήτου λέγοντος· Αἰθιωπία προφθάσει χεῖρα αὐτῆς τῷ θεῷ. Καὶ ὑμεῖς Αἰθίωπες τραυματίαις Αἰθιώπων ῥομφαία ἐστὲ εἰς δίκησιν τῶν υἱῶν Ἰσραήλ.... καὶ ἐξαναστήσεται αἰφνίδιος βασιλεὺς δίκαιος ἀφωμοιωμένος τῷ υἱῷ τοῦ θεοῦ.... καὶ προσκαλέσεται τὴν Ἰνδίαν καριὸν (?), συμπαραλάβει αὐτήν· ἔστι δὲ καὶ ἡ χώρα μεγάλη καὶ ἀβασίλευτος· καὶ ἐξελεύσεται διὰ τῆς θαλάσσης τῆς μεγάλης Αἰθιωπίας. Онъ поразитъ Измаильтянъ [2]). — По «Книгѣ Пчелъ» греческій царь, который во времена Антихриста воззойдетъ на Голгоѳу и возложитъ на крестъ свой вѣнецъ, будетъ потомокъ Kûshath (Χουσήθ), дочери Pil (Фола), царя Эѳіопіи [3]).

Сдѣлаемъ нѣсколько обобщеній. По эѳіопской легендѣ эѳіопскіе цари — соломонова рода, хранители ветхозавѣтной святыни — скиніи; въ приведенныхъ выше текстахъ они носители христіанскаго преданія, только вмѣсто скиніи ветхаго завѣта

1) Опыты по исторіи развитія христ. легенды l. c. стр. 312, 314; ibid. I, II стр. 67; сл. Vassiliev l. c. стр. 53.

2) Vassiliev l. c. стр. 48.

3) Сл. Macler, Les apocalypses apocryphes de Daniel, въ Rev. de l'hist. d. religions, XVII ann., t. XXXIII, № 3, Mai—Juin, стр. 314, прим. 2.

явился символъ крестнаго древа: имъ сильно христіанское царство, пошедшее отъ эѳіопскаго рода, сѣмени. Этимъ намѣченъ и еще одинъ моментъ въ видоизмѣнившемся легендарномъ представленіи; я назвалъ его политическимъ: отъ Эѳіопіи пошли цари Византіи, Рима, Александріи; нѣтъ мотива перенесенія царскихъ инсигній, какъ въ сказаніи о Вавилонѣ, куда за ними ходятъ послы царя греческаго, и, знаменательно, отъ трехъ народностей: грекъ, обежанинъ-абессинецъ и славянинъ. Не указываетъ ли эта тройственность на перенесеніе власти къ тремъ народамъ? Это дало бы намъ параллель къ воззрѣніямъ Меѳодіевскихъ откровеній и освѣтило бы внутреннее соотношеніе разобранныхъ нами легендъ. Повѣсть о скиніи — это разсказъ о похищеніи изъ Іерусалима святыни, знаменующемъ, какъ и перенесеніе монголо-тибетскихъ эрдени (драгоцѣнный камень, статуя и т. п.), перенесеніе *культа*. Повѣсть о Вавилонѣ выражаетъ символомъ инсигній и грамоты передачу *верховной власти* изъ древнѣйшаго мірового царства, Вавилона, къ другимъ народамъ, можетъ быть, и въ Эѳіопію (сл. обежанинъ = абессинецъ); религіозный моментъ не выраженъ; сага о Конрадѣ съ ея висящей въ воздухѣ трапезой (= скиніей?), можетъ быть, и не относится къ Вавилону азіатскому. У Меѳодія религіозный и политическій моменты слились, но нѣтъ символовъ, они замѣнены родовой связью: эѳіопскіе цари — Вавилонскаго рода и призванные блюстители Христіанства. Въ эпизодѣ Палеи Вавилонъ и Іерусалимъ соединены съ Эѳіопіей своеобразной генеалогіей и именемъ Навуходоносора, сына Соломона и царицы Савской. Наконецъ, съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ текстовъ повѣсти о Вавилонѣ именно этотъ Новуходоносоръ и есть дѣйствующее въ ней лицо: вавилонское царство отъ эѳіопской крови.

Я не стану разбираться въ хронологіи и взаимной зависимости этихъ представленій, а остановлюсь лишь на вопросѣ: не послужилъ ли христіанизованный образъ скиніи цѣлямъ обоюднаго, не только религіознаго, но и политическаго символизма?

IV.

Граль западныхъ преданій [1]) — это сосудъ съ кровью Спасителя, впослѣдствіи чаша Тайной вечери, нѣчто таинственное и чудесное, съ отношеніями, болѣе или менѣе ярко выраженными, къ идеямъ евхаристіи, пресуществленія, троичности Божества. Онъ питаетъ и исцѣляетъ, служитъ оберегомъ на судѣ и въ битвѣ, раздѣляетъ праведныхъ отъ грѣшниковъ; свѣтится и витаетъ въ воздухѣ. У него свой ковчегъ — скинія; его первый хранитель Іосифъ Аримаѳейскій, затѣмъ его родичи по нисходящей линіи, священники и цари въ одно и то же время. У Де-Борона первыми названы Brons (женатый на сестрѣ Іосифа), его сынъ Alains, затѣмъ внукъ Bron'а, мѣсто котораго лишь впослѣдствіи замѣнилъ Персеваль, не входившій первоначально въ легенду о Гралѣ. Съ Іосифомъ или Брономъ Граль переносится въ Британнію; такъ выражено символически ея обращеніе къ христіанству. Замѣтимъ, что рядомъ съ Іосифомъ и Brons стоитъ какой то Петръ, можетъ быть, легендарное отраженіе апостола: онъ также отправляется на западъ, въ долины Аварона, и также съ цѣлію проповѣди; у него запечатанное посланіе Господа и въ немъ откровенія Граля, но ихъ онъ не знаетъ, ихъ объяснитъ ему послѣдній стражъ Граля, внукъ Брона.

Для меня ясно противоположеніе двухъ церковно-религіозныхъ теченій: проповѣди Петра, еще ожидающаго откровеній Граля, и ученія, владѣющаго его таинствами.

Въ Grand St. Graal хранители и властители святыни являются въ двухъ генеалогическихъ серіяхъ, съ однимъ и тѣмъ же знаменательнымъ именемъ Галаада [2]).

---

1) Изъ послѣднихъ работъ въ этой области укажу на замѣчательное изслѣдованіе проф. Heinzel'я, Ueber die französischen Gralromane (Wien 1892).

2) Grand St. Graal знаетъ еще третьяго Галаада, сына Іосифа Аримаѳейскаго.

Первая ведетъ свое начало отъ Seraphe-Nascien. Іосифъ Аримаѳейскій пришелъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Josephe въ страну Sarras (Sarrace у Manessier), между *Babylone* и Salavandre, гдѣ находитъ храмъ солнца. Царствуетъ язычникъ Evalach (Hevalach; Evelac у Manessier) li mesconneus, воевавшій тогда съ египтянами. Преніе Іосифа съ языческими мудрецами приготовляетъ царя къ принятію христіанства. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ чудесныхъ видѣній: Іосифъ молится передъ скиніей Граля, и его сыну представляется тамъ распятый Христосъ, окруженный ангелами и орудіями страданія; нѣкто поразилъ Спасителя копьемъ въ бокъ, и кровь и вода пролились въ чашу, чудесно увеличившуюся. Когда Іосифъ склонилъ колѣна, онъ узрѣлъ алтарь, накрытый краснымъ сукномъ, на немъ окровавленное остріе копья, три гвоздя и золотая чаша; явились ангелы съ ладаномъ и ѳиміамомъ, одинъ изъ нихъ несъ на зеленомъ платѣ св. чашу, и самъ Господь предсталъ въ облаченіи пресвитера. Josephe совершаетъ таинство проскомидіи и видитъ вмѣсто освященнаго хлѣба образъ младенца.

Я сблизилъ это видѣніе съ подобнымъ же чудомъ, совершающимся по славяно-русской (греческой) легендѣ передъ сарациномъ Амфилогомъ (=Evalach'омъ); я не стою за предложенную мною этимологію Sarras (сарацинская земля), но желалъ бы возстановить другую, устраненную мною въ виду недостаточнаго, какъ мнѣ казалось, круга сравненій [1]): Evalach, Hevalach отъ Havila: Іеменъ; какой нибудь властитель іудействовавшаго Іемена, съ которымъ вели войны христіанскіе цари Абиссиніи.

Вернемся къ первой генеалогіи Grand St. Graal. Іосифъ креститъ Эвалаха, который названъ Mordrain (Nodrans у Manessier, Mordrach у Herbert'a), и его шурина Séraphe'a (у Manessier: Salafres), которому положено имя Nascien; у него сынъ Célidoine. Célidoine занесенъ въ Британію, куда переселился

1) Сл. мои Разысканія № XVII, стр. 342, и Журналъ Мин. Народн. Просв. 1889 г. Апрѣль, стр. 377.

и св. Граль, а Nascien'у видится пророческій сонъ, что через 300 лѣтъ послѣдній изъ его рода снова явится съ святой чашей въ Sarras. У Célidoine большое потомство: сынъ Marpus, отъ него Nascien; далѣе Isaies, Jonans, Ban, наконецъ Lancelot и его сынъ Galaad, который и вернется въ *Sarras* съ святыней Граля [1]).

Рядомъ съ этой генеалогіей его хранителей — другая: Josephe передаетъ св. Граль одному изъ 12-ти сыновей своего родственника, Bron, именно Alain li Gros. По смерти Josephe'a Alain отправляется съ чашей въ Terre Foraine, населенной людьми маленькаго роста, ничѣмъ не занимавшимися, кромѣ хлѣбопашества. Ихъ царь Calaphe пораженъ былъ проказой; Alain склоняетъ его къ принятію христіанства обѣщаніемъ избавить его отъ недуга и исцѣляетъ силой св. Граля. Вся страна крестилась, а царь выражаетъ желаніе, чтобы святыня ковчега осталась у него, въ прекрасномъ замкѣ, который онъ велитъ соорудить; его назвали Corbenic, т. е. святой сосудъ; надпись была по халдейски. Слѣдуетъ бракосочетаніе Josue, сына Alain, съ дочерью Calaphe, который получилъ имя Alphasan. Отъ этого брака родился Aminadab; его потомки по прямой линіи: Carceloy, Manuel, Lambor, Pellehan, Pelles; отъ его дочери Hélène и Ланцелота родится Галаадъ, послѣдній хранитель Граля, съ появленіемъ котораго въ Terre Foraine исцѣляется отъ ранъ его прадѣдъ Pellehan [2]).

Галаадъ этой родословной — потомокъ Іосифа Аримаѳейскаго (по Bron'у), и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ Соломонова рода, какъ утверждаетъ романъ: стало быть, по матери. Такова точка и Queste du st. Graal, гдѣ Галааду приписывается происхожденіе отъ Іосифа Аримаѳейскаго и Давида. То, что о немъ разсказывается въ Queste, соединяетъ схемы, распредѣленныя въ Grand St. Graal между двумя соименниками. Замокъ Corbenic находится не въ Terre Foraine, а въ Шотландіи, гдѣ герой видитъ Pelles'a

---

1) Сл. Grand St. Graal ed. Hucher III, 116—117.
2) Сл. Grand St. Graal, ed. Hucher III, 282 слѣд.

и его сына Eliezer'а и ему представляется то же видѣніе, что Іосифу Аримаѳейскому въ Sarras: ангелы сносятъ съ неба на сѣдалищѣ человѣка въ епископскомъ облаченіи и ставятъ передъ нимъ трапезу, на которой стоитъ св. Граль. Это Іосифъ, первый христіанскій епископъ, умершій 300 лѣтъ тому назадъ. Онъ приступаетъ къ совершенію таинства, ангелы сослужатъ ему; во время возношенія гостіи кажется, будто образъ младенца, снесшись съ неба, внѣдрился въ нее и она приняла человѣческій обликъ. Іосифъ исчезаетъ, а изъ чаши показывается человѣкъ съ окровавленными руками, ногами и тѣломъ, говоритъ, что онъ откроетъ таинство и подастъ пищу тѣмъ, кто такъ долго ея ждалъ, не щадя трудовъ и заботъ [1]). Причастивъ Галаада и его товарищей, онъ объясняетъ. что Граль — чаша Тайной Вечери, которую Галаадъ увидитъ во всей полнотѣ — лишь въ Sarras'ѣ; туда она перенесется, ибо Британнія не достойна лицезрѣть ее. Галаадъ отправляется съ Гралемъ въ Sarras, заточенъ языческимъ царемъ Escorant, по смерти котораго воцаряется. Онъ велитъ устроить драгоцѣнную скинію для св. чаши, которая по его смерти исчезнетъ.

Чаша св. Граля водворяется такимъ образомъ въ Sarras (около Вавилона?), либо въ Terre Foraine, въ которой слѣдуетъ усмотрѣть Эѳіопію. Это связано съ заявленіемъ Grand St. Graal и Queste, что Галаадъ изъ рода Соломона и Давида.

Проф. Гейнцель, склоняясь къ отождествленію Evalach'а съ знаменитымъ абессинскимъ царемъ Caleb-Elesbaas'омъ, покорителемъ еврейскаго царства въ Іеменѣ, допускаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что имя Caleb-Elesbaas'а отразилось въ Calaphe-Alfasan французскаго романа [2]). Коли такъ, то въ родъ хранителей Граля втекаетъ, начиная съ четвертаго колѣна, кровь эѳіопской дина-

---

1) Сл. подобное же видѣніе Gauvain въ Perceval li Galois: въ чашѣ Граля образъ младенца; позже Граль представляется на сѣдалищѣ, надъ нимъ вѣнчанный образъ Распятаго, съ прободеннымъ ребромъ.

2) l. c. стр. 139.

стіи, и мы поймемъ не только происхожденіе Галаада изъ Соломонова рода, но и соломоновскіе аллюзіи Grand St. Graal.

Я изучалъ ихъ при другомъ случаѣ[1]); здѣсь мнѣ важны лишь нѣкоторые мотивы. Соломонъ вычиталъ въ священномъ писаніи, что изъ его рода имѣетъ явиться въ далекомъ будущемъ витязь, который превзойдетъ храбростью и благородствомъ всѣхъ когда либо жившихъ. Соломонъ его не знаетъ, а ему хотѣлось бы оповѣстить отдаленнаго потомка, что онъ предвидѣлъ его пришествіе. По совѣту жены онъ велитъ построить корабль, который продержался бы на водѣ, не портясь, въ теченіе 4000 лѣтъ; въ немъ на богатомъ одрѣ положенъ былъ въ изголовьи золотой вѣнецъ, въ ногахъ мечъ царя Давида, назначенный для грядущаго воителя; въ продольныя рамки ложа были вдѣланы по срединѣ двѣ вертикальныя жерди, другъ противъ друга, одна бѣлая, другая зеленая, соединенныя между собою третьей, поперечной, краснаго цвѣта; эти жерди вырублены были изъ краснаго, бѣлаго и зеленаго древа жизни; рабочіе на то не рѣшились, но царица настояла; когда ихъ рубили, изъ нихъ потекли капли крови. Кто посмотритъ на эти жерди, вспомнитъ о смерти Авеля. Соломонъ кладетъ въ корабль подъ вѣнецъ посланіе къ своему будущему потомству; на бортѣ корабля надпись, предупреждающая, что въ него слѣдуетъ вступать лишь человѣку полному вѣры. Ночью корабль унесло въ морѣ, кто-то спустился съ неба, окруженный сильнымъ свѣтомъ, освятилъ и окропилъ судно, говоря: Ceste nef est fiance de ma nouviele maison[2]).

Текстъ объясняетъ далѣе аллегорическое значеніе корабля — церкви, ложа — алтаря, жердей бѣлаго, краснаго и зеленаго цвѣтовъ, какъ дѣвство, милость и терпѣніе (virginité, carité, pascience). Я усмотрѣлъ въ образахъ ложа и жердей сложный образъ распятія — алтаря. Извѣстна прообразовательная

1) Сл. мои Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, № V, стр. 136 слѣд.

2) Сл. Grand St. Graal, II, 471 слѣд.; 492 слѣд.

связь Соломона съ исторіей крестнаго древа; разсказъ о потирѣ Соломона, обставленный пророчествами о крестѣ, въ пространномъ житіи св. Константина Философа, относится къ тому же кругу *прообразованій* [1]).

Припомнимъ теперь эѳіопскую легенду: ея цари пошли отъ Соломона, они изъ рода въ родъ хранители скиніи, обратившейся впослѣдствіи въ символъ христіанства: крестное древо; отъ ихъ сѣмени пошли и христіанскіе властители Рима, Византіи, Александріи; послѣдній царь, имѣющій явиться въ послѣдніе дни, выйдетъ изъ Эѳіопіи.

Граль, символъ святыни, берегутъ въ ковчегѣ, онъ окруженъ символами распятія, поднимается въ воздухѣ, какъ скинія, хранится въ Соломоновомъ родѣ; хранители въ одно и то же время священники и цари; обратимъ вниманіе на вѣнецъ и мечъ Давида на Соломоновомъ кораблѣ; послѣдній стражъ Граля снова возвратитъ его въ Эѳіопію.

Это та же легенда, но съ бо́льшимъ развитіемъ мотива религіозной пропаганды: Граль переносится съ мѣста на мѣсто, какъ вавилонскія знаменія.

Есть ли въ этой легендѣ что-либо иновѣрческое, напр. монофизитское, въ пониманіи Граля, въ образномъ представленіи таинства евхаристіи, какъ онъ представляется Evalach'у и Galaad'у — этого вопроса я не касаюсь, точно также, какъ и другого, вызваннаго тѣмъ особымъ значеніемъ, которое Эѳіопія получила въ Меѳодіевскихъ откровеніяхъ. Западная церковь заподозрила романы о Гралѣ, какъ зараженные иновѣріемъ, но оно плодилась и далѣе, примѣняя къ старымъ символамъ новыя требованія и чаянія въ области религіозной мысли.

---

1) Сл. А. Н. Петровъ, Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христѣ, въ Пам. Древ. письм. CIV, 1894 г.

V.

Если предыдущія соображенія вѣрны, то онѣ бросаютъ свѣтъ на содержаніе одного изъ непосредственныхъ источниковъ поэмы Вольфрама фонъ-Эшенбахъ.

Его герой — Парциваль, искатель и властитель Граля, уже воспѣтый Chrestien'омъ de Troye и его продолжателями. Это европейское, къ Европѣ пріуроченное преданіе о Гралѣ; Chrestiens былъ однимъ изъ источниковъ Вольфрама.

Рядомъ съ нимъ другой: утраченная поэма загадочнаго провансальца Kŷôt'a. О немъ говорится (IX, 611 слѣд.), что онъ нашелъ въ Толедо сказаніе о Гралѣ, написанное языческими письменами; написалъ его язычникъ Flegetanis, язычникъ по отцу, но изъ Соломонова рода: онъ былъ большой звѣздочетецъ (Felek-daneh, по толкованію Гёрреса), и въ звѣздахъ прочелъ тайну Граля. Ознакомившись съ его писаніемъ, Kŷôt принялся искать въ латинскихъ книгахъ (ib. 664), гдѣ бы могъ находиться цѣломудренный народъ, поклонники Граля; перечелъ разныя хроники въ Британіи (ze Bretane 670), Франціи и Ирландіи — и нашелъ искомую повѣсть въ Анжŷ. Къ Анжŷ онъ и пріурочиваетъ Парциваля: онъ сынъ Gahmuret'a анжуйскаго и Herzeloyde'ы, дочери и сестры властителей Граля, Frimutel'я и Anfortas'а. Все это Kŷôt могъ узнать изъ европейскихъ источниковъ; что Парциваль являлся въ его разсказѣ, тому свидѣтельствомъ Вольфрамъ (XVI 543 — 50. 1201 слѣд.; см. еще XV, 1270); если въ одномъ случаѣ (VIII, 565 слѣд.) онъ утверждаетъ, что провансалецъ Kiотъ нашелъ повѣсть о Парцивалѣ въ языческой книгѣ (heidensch geschriben), то это, вѣроятно, lapsus memoriae: въ писаніи язычника Флегетаниса, изъ Соломонова рода, и герой и географическая обстановка должны были отзываться другимъ міровоззрѣніемъ. То и другое мы находимъ у Вольфрама въ лицѣ и исторіи Feirefiz'a; это наслѣдіе Kŷôt'a, соединившаго въ своей поэмѣ восточное преданіе о Гралѣ съ

западнымъ, Флегетаниса съ латинскими писаніями, Парциваля съ Фейрефисомъ и, можетъ быть, съ какимъ-нибудь другимъ еще мотивомъ о заѣзжемъ съ востока богатырѣ. Краткій анализъ поэмы съ интересующей насъ точки зрѣнія уяснитъ, какъ совершилась эта контаминація, усвоенная Вольфрамомъ.

1. Анжуйскій принцъ Gahmuret является въ Zazamanc и Azagouc, гдѣ жители — чернокожіе язычники и властвуетъ въ городѣ Pâtelamunt царица Belakane. Zazamanc и Azagouc упоминаются уже въ поэмѣ о Нибелунгахъ; Martin видитъ въ этихъ названіяхъ искаженіе Солиновскихъ Garamantes и Azachaei[1]); Pâtelamunt объясняютъ какъ Mont patela (patena): гора чаши (сосуда, блюда). Gahmuret освобождаетъ царицу отъ угрожавшихъ ей враговъ и соединяется съ нею въ любви; не будь она язычницей, онъ бы никогда ее не оставилъ; теперь онъ покидаетъ ее тайкомъ. Въ его отсутствіи Belakane родитъ сына Feirefiz'а, на половину чернаго, на половину бѣлаго, свидѣтельство разноплеменнаго происхожденія. — Припомнимъ Давида эѳіопской легенды, сына Соломона — и Савской, т. е. эѳіопской царицы (кн. I).

2. Gahmuret возвращается назадъ, женится на Herzeloyde, изъ рода хранителей Граля, и снова ѣдетъ на востокъ, гдѣ погибаетъ. Отъ Herzeloyde у него сынъ Парциваль, онъ изъ рода хранителей Граля, но долженъ сынъ удостоиться его внутреннимъ подвигомъ и искусомъ, долженъ его допроситься; видитъ его въ первый разъ, и не допрашиваетъ о совершающемся при немъ чудѣ. Когда пройденъ путь искуса и очищенія, онъ становится изъ искателя властителемъ (Herre) святыни, о чемъ, какъ всегда, говоритъ надпись, появляющаяся на чашѣ. Этотъ «von karacten ein epitafum» (IX, 1134), epitafium (XV, 1425), возвѣщающій о новомъ властителѣ Граля, напоминаетъ грамоту пророка Даніила, кому быть царемъ въ Царьградѣ.

3. Къ Feirefiz'у мы возвращаемся въ VI-й книгѣ: Cundrie,

---

1) E. Martin, Zur Gralsage, стр. 6.

порицая Парциваля за то, что онъ воздержался отъ рокового вопроса, противополагаетъ ему его сводпаго брата (v. 1114 слѣд.); о немъ же говоритъ и язычница Janfuse (v. 1443 слѣд.). Между тѣмъ Feirefiz сталъ витяземъ, овладѣлъ любовью и царствомъ царицы Секундиллы, въ странѣ которой водились люди съ головою задомъ напередъ; страна зовется Trîbalibôt, по ней протекаетъ Гангъ (X, 448—9). Секундилла наслышалась о Гралѣ и его властителѣ и посылаетъ Cundrie и ея брата (Malcreature) провѣдать о нихъ (X, 482—506); не по ея ли побужденію является въ Европу и Feirefiz, чтобы тотчасъ же встрѣтиться съ Парциваломъ (XV, 35 слѣд.)? О мотивѣ его поѣздки ничего не говорится. Между Парциваломъ и Feirefiz'омъ происходитъ бой, кончающійся признаніемъ братьевъ и столованьемъ, за которымъ Cundrie извѣщаетъ объ избраніи Парциваля властителемъ Граля. Въ замкѣ Munsalvaesch, гдѣ хранится святая чаша и куда всѣ направляются, совершается торжественная процессія Граля; Feirefiz'у, какъ язычнику, она не видима (XVI, 699 слѣд.), но онъ готовъ креститься, если крещеніе доставитъ ему обладаніе Repanse-de-schoye, его сводной тетки, сестры матери Парциваля; онъ страстно въ нее влюбился. Это наивное условіе (XVI, 811—12) онъ повторяетъ священнику и при совершеніи обряда (XVI, 934—5), и только что крестился, какъ удостоился лицезрѣнія Граля (XVI, 952—3). Онъ женится на Repanse-de-schoye; Секундилла, между тѣмъ, умерла, и онъ возвращается въ унаслѣдованное отъ нея царство. Здѣсь въ Индіи (in Indîân XVI, 1673) у него родился сынъ Іоаннъ, его назвали пресвитеромъ Іоанномъ, и это названіе перешло и на послѣдующихъ царей. Въ Индіи, по тамошнему Trîbalibôt (Palibotra Солина, какъ полагаетъ Martin), Feirefiz и распространяетъ христіанство (XVI, 1078—80: Feirefiz hiez schrîben — Ze India übr al daz lant., — wie kristen leben wart erkant).

Попытаемся опредѣлить въ этой сводной схемѣ, восходящей къ Kŷôt'у, долю языческой книги, Флегетаниса. Его героемъ могъ быть Feirefiz, сынъ царицы Zazamanc и Azagouc, страны

чернокожихъ, въ которой я усматриваю Эѳіопію. Ея властительница Belakane, diu swarze Moerinne (I, 1041), царитъ въ Patelamunt: горѣ сосуда, чаши, что отвѣчаетъ названію того замка, который, по Grand St. Graal, Calaphe велитъ соорудить для Граля: Corbenic = святой сосудъ; въ Calaphe'ѣ мы признали эѳіопскаго царя Caleb Elesbaas'а. Онъ Соломонова рода; такимъ могъ представляться и Feirefiz; я не прочь истолковать въ пользу этого объясненія и то обстоятельство, что изъ Соломонова рода и слагатель повѣсти о Гралѣ — Флегетанисъ. Какъ эѳіопскій властитель, Фейрефисъ былъ естественнымъ обладателемъ святыни, іудейско-христіанской скиніи, patela; если у Вольфрама-Kŷôt'а Граль находится въ другихъ рукахъ и самъ Feirefiz является язычникомъ, то это легко объяснить принадлежащей уже Kŷôt'у контаминаціей Feirefiz'а съ Парцпвалемъ, восточной легенды о Гралѣ съ западной — и предпочтеніемъ, которое дано было въ ней типу именно Парцпваля. Съ другой стороны Граль Флегетаниса могъ являться въ такомъ религіозномъ освященіи, съ мотивами іудейства и, можетъ быть, сабеизма, что Kŷôt'у тѣмъ легче было представить себѣ Feirefiz'а язычникомъ.

Въ пользу моей эѳіопской гипотезы можно было бы опереться и на то еще, что у Feirefiz сынъ — пресвитеръ Іоаннъ, но именно въ этомъ эпизодѣ толкованіе двоится, можетъ быть, благодаря Kŷôt'у, если ему принадлежитъ введеніе въ составъ поэмы несущественной для ея развитія Секундиллы, царицы Индіи, гдѣ то на Гангѣ. Feirefiz овладѣваетъ ею и ея царствомъ; когда онъ женится на Repanse-de-schoye, онъ забываетъ материнское наслѣдство, Zazamanc и Azagouc, и возвращается съ проповѣдью христіанства въ Индію. Здѣсь у него и родится сынъ, пресвитеръ Іоаннъ, котораго древніе тексты извѣстнаго «посланія» локализуютъ именно въ *Индіи*, in tribus Indiis, въ предѣлахъ которыхъ находился и «пустынный» Вавилонъ съ гробницей пророка Даніила; нѣмецкая передѣлка посланія (по берлинской рукописи) видитъ въ одной изъ трехъ Индій — *Эѳіопію* (der keret eines biz kegen

Moren); позднѣе самого пресвитера представили себѣ властвующимъ именно въ этой странѣ.

Трудно сказать, на сколько раздѣльны были представленія Kŷôt'а объ Индіи на Гангѣ и странахъ Zazamanc и Azagouc. Древнее смѣшеніе Индіи съ Эѳіопіей намъ знакомо. Потомки пресвитера носили его имя, говоритъ Вольфрамъ; по другому извѣстію у него сынъ Израиль, внукъ Давидъ [1]); это напоминаетъ рядъ библейскихъ именъ во французскихъ генеалогіяхъ хранителей Граля: Галаадъ, Аминадабъ, Іона, Исаія, Іисусъ и др.

Когда соединены были сказанія о Feirefiz'ѣ и Парцивалѣ, идея Граля при первомъ была затерта, Feirefiz пріобщился къ Гралю чисто внѣшнимъ образомъ, путемъ брака, св. чаша перешла на западъ въ Munsalvaesche, гдѣ ее охраняетъ другой родъ. Послѣдствіемъ контаминаціи объясняю я себѣ расплывчивый, неопредѣленный образъ Граля въ представленіи Kŷôt-Вольфрама. Нигдѣ не сказано, чтобы это была чаша; скорѣе всего это камень, снесенный съ неба (IX, 654), lapsit (lapis) exillis, силой котораго сгораетъ фениксъ, чтобы возродиться къ новой жизни (IX, 1085 слѣд.), камень, чудесно живящій и питающій. Это не обычное представленіе о Гралѣ; принадлежитъ ли оно Флегетанису? Упоминаніе феникса, если оно не случайно, снова относитъ насъ къ Эѳіопіи.

Эѳіопская легенда отразилась въ сказаніи о Гралѣ путемъ литературныхъ, можетъ быть, и религіозныхъ воздѣйствій; повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ — блѣдное отраженіе тѣхъ же мотивовъ, съ невыясненнымъ религіознымъ моментомъ, не нашедшее широкаго распространенія, но въ основѣ тождественное: «Слышиши же како съмѣшишѧсѧ цр҃твіа междоу собоѭ: вавилѡнъское съ еѳіопьскꙑимъ». Всѣ онѣ представляютъ, въ разной степени, разработку, на почвѣ литературы, апокрифическихъ данныхъ, иногда утраченныхъ въ болѣе простыхъ версіяхъ, какъ та «малая» книжка о Гралѣ, которая объявилась пустыннику въ ночь на страстную пятницу 750 года (Grand St. Graal); иногда

1) Zarncke, De rege David, fillo Israel filii Johannis presbyteri. Lips. 1875.

еще услѣдимыхъ въ общихъ очертаніяхъ и мотивахъ: укажу лишь на Апокалипсисъ Даніила. Легенды о скиніи, святой чашѣ, крестномъ древѣ, гдѣ вокругъ извѣстнаго символа развивается міровая исторія царствъ и церкви, принадлежатъ къ тому же литературному роду. Повѣсть о крестномъ древѣ отъ его насажденія въ раю до послѣдняго императора, который возложитъ на него свой вѣнецъ, не только попытка философскаго построенія исторіи въ духѣ средневѣковаго христіанства, но и въ большей мѣрѣ, чѣмъ напр. Геліандъ, образчикъ христіанскаго эпоса съ его міровыми задачами и кругозоромъ. Въ этомъ эпосѣ есть и сторона идиллической утопіи, выразившаяся въ своеобразной литературной формѣ: вѣрили, что въ концѣ дней, послѣ вѣковъ страданій и паденій, наступитъ тысячелѣтіе покоя; надежда подсказала его осуществленіе въ предѣлахъ ближайшей исторіи, въ баснословномъ царствѣ пресвитера Іоанна, гдѣ царятъ любовь и правда и свѣтская и духовная власть покоятся въ однихъ рукахъ. Но вѣдь и въ романахъ о Гралѣ его блюстители являются съ тѣмъ же значеніемъ мірскихъ и духовныхъ владыкъ. Эти памятники одновременны, они могли отвѣтить ожиданіямъ извѣстной партіи, стремившейся изъ борьбы папской и имперской власти къ умиротворенію общественныхъ и религіозныхъ отношеній, къ фантастическому идеалу цезаропапизма, въ стилѣ восточнаго и византійскаго. Я царь и священникъ, βασιλεὺς καὶ ἱερεύς, читалось въ эдиктѣ Льва III противъ иконъ (725—6 г.); въ этомъ сочетаніи подчеркивали то тотъ, то другой моментъ; оттуда колеблющійся образъ идеальнаго миротворца, вплоть до дантовскаго Veltro, котораго такъ долго ждали средневѣковые люди.

Эта точка зрѣнія объединяетъ посланіе пресвитера и романы о Гралѣ въ исторіи средневѣковаго сознанія, и мнѣ остается лишь отмѣтить еще разъ, по вопросу о такъ называемыхъ переходныхъ повѣстяхъ, какъ важно изученіе культурныхъ теченій, увлекавшихъ, вмѣстѣ съ идеями и вѣрованіями, и выражавшіе ихъ символы и образы.

Александръ Веселовскій.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ СТАТЬѢ:

СКАЗАНІЯ О ВАВИЛОНѢ, СКИНІИ И СВ. ГРАЛѢ.

Къ стр. 675, отд. оттиска стр. 29. *(Еврейство въ Абессиніи)* Сл. Reinisch, Ein Blick auf Aegypten und Abessinien (Wien, 1896): абессинское государство было въ началѣ колоніей, основанной среди хамитскихъ народностей южноарабской торговой компаніею сабеевъ: Habaschat = общество, товарищество. Къ сабейскимъ купцамъ присоединились и еврейскіе, появляющіеся въ южной Аравіи уже при первыхъ царяхъ Іудеи. Эти то сабейскіе евреи и принесли, вѣроятно, туземцамъ Абессиніи ученіе монотеизма; свидѣтельствомъ сильнаго распространенія тамъ еврейства является не только легенда о происхожденіи мѣстной династіи отъ Соломона, но и то обстоятельство, что и теперь еще въ странѣ насчитываютъ болѣе милліона еврействующихъ и христіанское населеніе придерживается нѣкоторыхъ еврейскихъ обычаевъ, различая, напр., чистую пищу отъ нечистой и т. д.

Къ стр. 679—8. (Отд. отт. стр. 33). О *Меѳодіевскихъ Откровеніяхъ* сл. теперь Bousset, Der Antichrist in der Ueberlieferung des Judenthums, des neuen Testaments und der alten Kirche (Göttingen 1895; сличи указатель именъ). Относительно хронологіи оригинала авторъ повторяетъ (стр. 32) мнѣніе Гут-

шмида (между 676—8 гг.): интересна замѣтка, что лишь въ латинскомъ текстѣ встрѣчается глосса: (Romulus) *qui et Armalaeus dictus;* въ греческомъ ея нѣтъ; мы уже знаемъ, что въ спискѣ, напечатанномъ Васильевымъ, стоитъ Ἀργέλαος, въ славянскомъ текстѣ Армалей. Въ послѣднемъ имени авторъ видитъ еврейское Armillus, передѣлку Romulus: древнехристіанское представленіе о римскомъ цезарѣ, какъ Антихристѣ, исчезло съ распространеніемъ христіанства, но удержалось среди евреевъ: римлянинъ остался для нихъ исконнымъ врагомъ, Armillus — это Антихристъ; въ «Повѣсти о вѣрѣ и противленіи крестившихся іудей въ Африкіи и Карфагенѣ» Армиллъ (въ слав. текстѣ Ермолай)— предшественникъ Антихриста-Магомета (сл. Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древнерусской письменности, стр. 27—8; Барацъ, Слѣды іудейскихъ воззрѣній въ древнерусской письменности, стр. 48 и прим. 1).—Если Армалей, Armalaeus = Armillus, то онъ, очевидно, принадлежалъ, съ этимъ пониманіемъ, одному изъ источниковъ Откровеній, не его составителю, сдѣлавшему Ромила-Армалея зятемъ Хусиѳы, Армалея ея внукомъ внѣ всякой связи съ слѣдующимъ далѣе повѣствованіемъ объ Антихристѣ.

Къ стр. 689 слѣд., отд. от. 43. *(Флегетанисъ изъ Соломонова рода).* Лишь теперь я могъ познакомиться съ работой М. Гастера о легендѣ Граля (M. Gaster, The legend of the Gral, Folklore v. II, № 1 и 2). Авторъ выдѣляетъ въ ней моментъ *исканія*, въ которомъ видитъ отраженіе разсказа Псевдокаллисѳена о хожденіи Александра Македонскаго ко храму солнца, служитель котораго былъ *эѳіопъ* (III, 28; въ старослв. переводѣ: синецъ). Не останавливаясь на этой гипотезѣ, какъ она ни соблазнительна для поставленнаго мною вопроса, перейду ко *Гралю.* Въ моемъ изслѣдованіи о камнѣ Алатырѣ въ русской народной поэзіи (сл. Разысканія № III), изслѣдованіи, которое цитуетъ и авторъ (l. c. II, стр. 207, прим. 1), я пришелъ, разборомъ легендъ о камнѣ на Сіонѣ и представленія Вольфрама фонъ Эшенбахъ о Гралѣ-камнѣ, къ нѣкоторымъ обобщеніямъ, которыя Гастеръ подтвер-

ждаетъ новыми, еврейскими параллелями. Одно древнее преданіе говоритъ о камнѣ Eben shatya (камень основанія), лежащемъ въ средоточіи міра; на немъ стоитъ іерусалимскій храмъ; это тотъ камень, на которомъ покоился Іаковъ, когда ему было сновидѣніе о лѣствицѣ. Онъ обрѣтался въ храмѣ со временъ пророковъ, на мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ ковчегъ, во Святая Святыхъ; лишь однажды въ году вступалъ туда первосвященникъ и кадилъ; актъ этотъ имѣлъ символическое значеніе, по народному представленію отъ камня исходило Израилю изобиліе пищи.—По другому преданію на этомъ камнѣ стоялъ ковчегъ съ скрижалями, скрывшимися въ него въ пору разрушенія перваго храма.—Есть и еще одна, болѣе развитая легенда о камнѣ, на которомъ, при созданіи свѣта, Господь начерталъ свое святое имя, а камень погрузилъ въ бездну, какъ основаніе водъ. Позднѣе царь Давидъ добылъ его, чтобы положить въ основаніе храма.—Одна антихристіанская легенда, восходящая, быть можетъ, къ 7-му вѣку, досказываетъ, какъ Христосъ проникъ во Святая Святыхъ и прочиталъ святое имя Господне, избѣжавъ опасности: двухъ мѣдныхъ львовъ, которыхъ Давидъ поставилъ тамъ, въ охраненіе страшной тайны.

Гастеръ упоминаетъ и разсказъ 2-й книги Маккавеевъ: о сокрытіи Іеремíей священныхъ сосудовъ; разсказъ, развитый въ особомъ апокрифѣ, которымъ занимался и я (сл. выше стр. 678, отд. отт. 32; Изъ исторіи романа и повѣсти I, 341 слѣд. Сл. теперь греческій текстъ апокрифа у Vassiliev, Anecdota graeco-byzantina I, стр. 317 слѣд.). О камнѣ, гдѣ сокрыта была святыня, сказано, что онъ находится въ пустынѣ, «идѣже первѣе ковчегъ со инѣмы положися» (ἔστι δὲ ἡ πέτρα ἐν τῇ ἐρήμῳ, ὅπου τὸ πρότερον ἡ κιβωτὸς κατεσκεύαστο μετὰ τῶν ἄλλων); это связываетъ представленіе іереміиной легенды съ камнемъ предыдущихъ преданій. На эпизодъ апокрифа о семидесятилѣтнемъ снѣ Авимелеха и стольже долгомъ пребываніи Варуха «во гробѣ» (ἐν τῷ μνημείῳ) мнѣ пришлось обратить вниманіе по другому поводу (Изъ исторіи романа и повѣсти I, стр. 332—3, прим. 3); не эта-ли подроб-

ность легенды побудила Гастера сказать, что и далѣе въ іереміиномъ апокрифѣ встрѣчаются черты, тождественныя съ нѣкоторыми положеніями романовъ о Гралѣ? Я имѣю въ виду ихъ долговѣчныхъ старцевъ, жизнь которыхъ чудеснымъ образомъ поддерживается въ теченіи столѣтій, пока они не дождутся одного изъ своихъ потомковъ, будущаго обладателя святыни. Такимъ является, между прочимъ, Evalach-Mordrain и др. Замѣтимъ, что въ греческомъ текстѣ нашего апокрифа Авимелехъ названъ Эѳіопомъ (Vassiliev, l. c. стр. 311: Ἀβιμέλεχ τῷ Αἰθίωπι), у Тихонравова (Пам. I, 286): мирунъ вм. моуринъ.

Все это идетъ къ моей эѳіопской гипотезѣ: сказанія о священномъ камнѣ въ іерусалимскомъ храмѣ, стоявшемъ на мѣстѣ ковчега, либо служившемъ ему основаніемъ; перенесеніе ковчега въ Эѳіопію; христіанская перелицовка легенды—все это моменты одного и того-же развитія, показателемъ котораго могъ, дѣйствительно, явиться еврей Флегетанисъ, изъ Соломонова рода.

О Corbenic, названіи замка, устроеннаго для храненія Граля (см. выше, стр. 685, отд. отт. 39), говорится, что это халдейское слово означаетъ: святой сосудъ. Гастеръ связываетъ его съ еврейскимъ или халдейскимъ corbona: жертва, жертвоприношеніе (l. c. II, 209).
